

ПАЛАЧИХА для ДРАКОНА.

Ложная жена опального рода

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

**Палачиха для дракона.
Ложная жена опального рода**

«Автор»

2026

Витальев А.

Палачиха для дракона. Ложная жена опального рода /
А. Витальев — «Автор», 2026

Он ушел из-под венца, потому что так было «правильно». Теперь он — опальный лорд без титула, у стен его дома стоит королевский дознаватель, а в темнице заперт его младший брат. Меня — городскую палачиху, с руками, от которых не пахнет кровью только потому, что я их уже вымыла, — посылают исполнить приговор над всем его родом. Чтобы войти в дом, где меня узнает только родовая печать, я снова становлюсь его невестой. Бумаги, чужое кольцо, ложь, от которой по венам идет холод. Он думает, что я пришла спасти его. Я пришла за мальчиком. И я не уверена, кого из нас спасет правда, если она вообще нас спасет. Вопрос не в том, войду ли я в этот дом. Вопрос в том, выйду ли я из него — и за кем.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бляха палача	5
Глава 2. Браслет в храме	12
Глава 3. Чужое свадебное платье	19
Глава 4. Ворота Ирренов	26
Глава 5. Грязная лечебница	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Витальев

Палачиха для дракона.

Ложная жена опального рода

Глава 1. Бляха палача

Скрип подошв по мрамору суда я услышала прежде, чем успела развязать узел на рукаве. Пуговица на левом манжете вечно цеплялась за кожаный ремень сумки, и я каждый раз поправляла ее на ходу, чтобы не выглядеть так, будто меня только что вытащили из темницы. Сегодня узел не поддавался. Я дернула сильнее, нитка затрещала, и я заставила себя остановиться: суд не любит нервных рук. Я разжала пальцы и посмотрела на собственные ладони — сухие, в мелких порезах от вчерашней чистки инструмента. Так выглядит человек, который боится. Бояться перед королевским судом нельзя. Бояться можно дома, потом, когда закроешь дверь.

Зал был почти пуст. На каменном полу лежала полоса света из высокого окна, и я шагнула в нее, чтобы меня было видно. Впереди, за тяжелой дубовой стойкой, сидел секретарь с песочными часами, а за ним — судья Ройх, в мантии, от которой пахло старым воском и чужим потом. Когда я работала подмастерьем, меня дважды вызывали сюда свидетелем, и я запомнила, что Ройх всегда пил горький отвар, от которого потела спина.

— Ясна Торвен, городской палач, — сказал Ройх, не поднимая глаз от бумаг. — По делу об измене рода Ирренов.

— Да, ваша милость.

Он поднял глаза. Не злые, не добрые — рабочие, как у человека, который сортирует бумаги, а не судьбы. Мне стало холоднее, чем от зимнего сквозняка.

— Корона поручает вам приговор по списку осужденных. — Он положил на стойку свернутый лист с королевской печатью, красной, как запекшаяся рана. — Полный список рода, мужчины и женщины старше двенадцати лет. Один ребенок отдельно. По нему решение примете вы сами на месте, если сочтете, что он способен нести ответственность.

Я взяла лист обеими руками: печать короля не любит, когда ее хватают одной ладонью. Бумага была плотной, холодной, чуть шершавой по краю. Я развернула ее ровно настолько, чтобы прочесть первое имя. Иррен. Второе. Иррен. Третье. Я знала эту фамилию. Шесть лет назад я стояла в храме в свадебном платье, шитом под эту фамилию, и ждала мужчину, который не пришел к алтарю. Его звали Каэл. У него был младший брат. Я помнила лицо мальчика — круглое, серьезное, с отцовской ямочкой на подбородке.

— Ясна, — повторил Ройх. — Вы меня слышите?

— Слышу, ваша милость.

— Если вы откажетесь, корона пришлет другого палача. Того, который не будет задавать вопросов и не будет смотреть в список.

Он сказал это ровно, как диктуют цену за хлеб. Я поняла. Другой палач не будет смотреть в список, потому что ему все равно, чья фамилия стоит в графе «осужденные». Ему заплатят за работу, и он сделает ее чисто, без сантиментов. Я уже сделала паузу, когда прочла первое имя, и Ройх заметил и ждал, не откажусь ли я прямо здесь.

— Я не отказываюсь, — сказала я. Голос ровный.

Секретарь подвинул ко мне по стойке тяжелую бронзовую бляху с моим именем. Я взяла ее, и холодный металл впился в ладонь. На бляхе выбита корона, под ней мое имя, под именем — номер дома в квартале палачей. Я закрепила бляху на поясе, слева, поверх сумки. Приговор лег в сумку поверх бляхи. Рабочий набор.

— Когда приступаете? — спросил Ройх.

— Сегодня к вечеру, ваша милость.

Он кивнул. Я развернулась и пошла к выходу, считая шаги, чтобы не думать. У двери достала из кармана маленький гвоздь и закрепила наконец ту пуговицу на манжете, которая не давала мне покоя всю дорогу. Гвоздь вошел в ткань с тихим хрустом. Я вышла на крыльцо, и холодный воздух ударил мне в лицо. До обеда мне нужно было успеть в храмовую канцелярию: без записи о фиктивном браке я не пройду через защиту дома Ирренов и не доберусь до младшего брата. Я подумала это и тут же приказала себе не думать. Думать буду потом. Сейчас у меня в сумке лежал королевский приговор на род, в котором я когда-то должна была стать женой, а стала палачихой.

Квартал палачей встретил меня запахом дыма и мокрого тряпья: соседи вывесили белье, и оно пахло не мылом, а рекой, в которой его полоскали. Я шла быстро, потому что хотела попасть домой раньше, чем меня догонит служка с вызовом. Корона не любит, когда палач идет пешком от суда, она любит, когда палача ведут.

Мой дом стоял третьим от переулка мясников, крыльцо просело так, что зимой я ставила ногу на третью доску, пропуская вторую. Внутри пахло кровяной колбасой и пивом: сосед через стену жевал свой завтрак. Я толкнула дверь плечом и вошла; сумка с приговором стукнула меня по бедру. Я не стала снимать пояс, повесила плащ на крюк и пошла в кухню.

На столе лежал вчерашний список трав. Я зажгла свечу, поставила ее в глиняный подсвечник с трещиной и разложила листы. Перечень на завтра: сухая кора, живица, чистая пенька для тампонов, бутылка спирта. Денег у меня на полторы недели, потом должен прийти заказ от старой вдовы из южного квартала. Я знала цену каждой траве и каждой услуге: два серебряных за выход в суде и медная монета за каждый час ожидания; три медных за перевязку в переулке, пять за снятие швов; в темнице цен не называют вслух.

На стук я не вздрогнула. Я отложила перо, вытерла пальцы о передник и пошла к двери. На пороге стояла Ольга, моя соседка-травница, и держала глиняный кувшин, прикрытый тряпичей. От кувшина пахло мятой и можжевельником. Ольга никогда не приходила без повода, но повод всегда был чужой, не мой.

— Ясна, — сказала она базарно-ласковым голосом, которым торговала зелья на углу. — Ты сегодня рано.

— Суд рано, — ответила я. — Заходи.

Она вошла, поставила кувшин на стол, посмотрела на мою сумку и отвела глаза. Так смотрят на чужую болячку: спросить не хотят, но ждут, что скажу сама. Я не стала. Налила ей воды в кружку, себе не налила и села напротив, сложив руки на коленях. В моем доме не принято пить чужое, не узнав цену.

— Слышала я, — начала Ольга и осеклась. — Ну, ты знаешь, что слышала.

— Не знаю. Говори прямо.

— Что тебя посадили на род Ирренов. Что список полный. Что и ребенка тоже. — Она понизила голос. — Ясна, ты же его знала. Жениха-то своего.

Я промолчала. Каэл Иррен. Свадебное платье, которое я мерила в храме. Ступени, на которых я стояла одна. Пустой алтарь. Я помнила, как пахло в храме — ладаном и мокрой шерстью, потому что был ноябрь и шерсть сушили у жертвенника. Помнила, как меня везли домой в закрытой повозке; я не плакала, потому что плакать было некому. Потом пришла мать и сказала, что я дура. Я согласилась.

— Я работаю по списку, — сказала я. — Не по лицу.

— Работает, — кивнула Ольга. — Только ребенок-то маленький. Слышала, лет шесть. Может, семь.

— Я слышала.

Она посмотрела на меня тем взглядом, которым смотрят на вещь, которую хотят купить, но боятся цены.

— Если ты его выведешь, я спрячу. У меня подвал сухой.

— Нет, — ответила я. — Спасибо.

— Ясна.

— Нет, Ольга. Я палач. Я не могу его вывести и не могу не вывести. Я могу выбрать только порядок.

Она помолчала, допила воду, поставила кружку и встала. У двери обернулась.

— Ты же его любила, — сказала она. Это был не вопрос.

— Я любила человека, который не пришел к алтарю, — ответила я. — Это разные вещи.

Она ушла. Я закрыла дверь на засов, вернулась к столу и посмотрела на кривое перо, которым писала список. Я не выбросила его, потому что привыкла. Взяла перо, подвинула чистый лист и написала сверху: «Храмовая канцелярия. До обеда. Запись. Долг. Браслет». Под этим дописала: «Дом Ирренов. Калитка. Мальчик. Тайник». Перечитала, зачеркнула последнюю строку — планы не пишут на бумаге, которую могут увидеть, — порвала лист на четыре части и бросила в печь. Огонь принял бумагу охотно.

Я встала, надела плащ, поправила сумку на бедре и пошла к двери. У порога посмотрела на свои руки — сухие, в мелких порезах, с въевшейся желтизной от трав. Этими руками я сегодня к вечеру должна буду открыть приговор и прочесть вслух имена. Эти же руки завтра утром будут перевязывать мальчика, если я успею его найти раньше, чем список дойдет до темницы. Я приказала себе не думать. Сейчас у меня в сумке лежал королевский приговор, в кармане — гвоздь для чужого манжета, а в голове — цена мяты и можжевельника, которую я никогда не смогу оплатить.

Я вышла на крыльцо и зашагала к храмовой канцелярии. Переулок пах дымом и мокрым тряпьем, и я считала шаги, чтобы не оглядываться.

Храмовая канцелярия помещалась в низком каменном нутре, пахнушем сургучом и старой бумагой. Дверь заедала в нижнем углу, и я толкнула ее плечом. За столом у окна сидел жрец Тавен, который принимал записи по вторникам и четвергам, и я пришла в его четверг. Он поднял голову, посмотрел на мою бляху палача, потом на поясную сумку и быстро убрал улыбку. Жрецы улыбаются тем, кто приносит золото. Мне он улыбаться перестал давно.

— Ясна Торвен. По делу о записи, — сказала я.

— Слушаю. — Он подвинул ко мне чистый лист и положил ладонь на угол стола, словно защищая свой порядок. — Какому делу?

— Брак. Фиктивный. По праву кровной невесты. Имя жениха — Каэл Иррен, род Ирренов, дом под королевской стражей.

Он убрал ладонь. Пальцы у него были тонкие, с чернильным пятном на среднем. Он сложил их домиком — поза человека, который собирается тебе отказать.

— Невеста, — повторил он. — Вы?

— Я.

— Вы понимаете, что фиктивная запись идет через долговое обязательство храму. Личное. На ваше имя.

— Понимаю.

— И что браслет-метка считывает ложь, и при нарушении клятвы долг переходит на ваш род.

Я кивнула. Он открыл ящик стола, достал лист гербовой бумаги и перо с серебряным наконечником. Отговаривать меня он не будет: жрецы не отговаривают тех, кто сам пришел подписывать.

Он начал писать. Я ждала, глядя в окно, за которым стояла телега с мокрым холстом и сбитым колесом. На его столе лежала оловянная чернильница в форме раскрытой книги — дешевая вещь. Мне не было до нее дела. Мне было дело до браслета.

— Цена записи, — сказал он, не поднимая головы, — сто двадцать серебряных единовременно или долговое обязательство на семь лет службы при храме. Палачи редко платят единовременно.

— У меня нет ста двадцати. Я подпишу обязательство.

— Вы понимаете, что семь лет — это не срок, в течение которого вы передумаете.

— Я не передумаю.

Он помолчал и подвинул мне перо. Холодок прошел по пальцам — не магия, просто металл в нетопленном храме. Я расписалась. Подпись вышла ровная, без росчерка: я привыкла не ставить росчерков. Жрец взял лист, посыпал песком, сдул, сложил вчетверо и спрятал в шкатулку у локтя.

— Браслет, — сказал он. — Левую руку.

Я протянула руку, и он достал из ящика тонкий серебряный обруч с гравировкой. Внутри обруча что-то блеснуло зеленым — печать храма, впаянная в металл. Он надел браслет мне на запястье, обруч сомкнулся сам, без щелчка, и по запястью прошел холод — резкий, до кости. Я сжала пальцы, чтобы не дернуться.

— Каждое слово-ложь будет ощущаться как лед в костях. Это не угроза, это условие договора, — сказал он тихо.

— Я поняла.

Я убрала руку под стол и посмотрела на браслет. Он лежал плотно, не сдвигался, и внутри него мерцала зеленая точка. Я поняла, что теперь каждое мое слово в доме Ирренов будет стоить мне боли. Я подумала о приговоре в сумке и поняла, что одно упоминание его вслух в чужом доме станет невыносимым. Меньше слов — меньше лжи.

Жрец протянул мне узкий конверт.

— Свадебное платье для невесты рода Ирренов хранится в нашем складе. Вы получите его сразу после записи. Там же найдете кольцо жениха, которое мы сохранили со дня расторгнутой помолвки. — Он помолчал. — Его принес ваш жених шесть лет назад и попросил хранить до возвращения невесты.

У меня дернулась щека. Я взяла конверт, сунула в сумку рядом с приговором, и сумка стала тяжелее.

— Кольцо он принес сам? — спросила я, не оборачиваясь.

— Сам. Лично. В день, когда пришла королевская стража.

Я толкнула дверь и вышла на крыльцо. Холодный воздух ударил мне в лицо, и я поняла, что браслет на запястье больше не мерцает. Он просто лежал, тонкий и серебряный, и ждал первой лжи. На сорок седьмом шаге пальцы левой руки начали мерзнуть, хотя на дворе стоял сухой осенний день.

Храмовой склад помещался во дворе, за низкой аркой, и пах нафталином и лавандой — жрецы сыпали лаванду от моли, и у меня от этого запаха першило в горле. Я толкнула дверь плечом, она открылась с сухим скрипом. Внутри стояли три сундука с клеймом Ирренов — драконья лапа, свернутая в кольцо.

Я открыла ближний сундук. Платье лежало сверху, аккуратно сложенное, ткань тяжелая, темно-зеленая, с серебряной нитью по подолу. Я подняла его и сразу почувствовала, что оно чужое — по крою, по весу, по запаху чужих духов, вьевшихся в складки. Его шили на ту, прежнюю невесту, у которой были мягкие руки и тонкая талия. Я расправила корсаж на колене, провела пальцем по шву: нитка местами истлела, кое-где торчали булабочные головки. На внутренней стороне подола кто-то аккуратно пришил крошечный кармашек. Я раскрыла его и достала сложенный вчетверо лист. Расписка прежней невесты. Чернила выцвели, подпись

читалась: Эльна Норвен, добровольно, в пользу храма, без возврата. Я спрятала лист обратно в кармашек.

Потом достала из-под платья бархатный футляр, а из футляра — кольцо. Кольцо было простое, мужское, из темного серебра, с узором в виде драконьей лапы. Он носил его на мизинце шесть лет назад, когда мы стояли у алтаря и он сжимал мою руку так, словно у него дрожали пальцы. На внутренней стороне ободка была выгравирована одна буква — «Я». Я провела по ней подушечкой большого пальца, и браслет на запястье едва заметно кольнул холодом, хотя я не солгала ни словом.

Я стянула через голову куртку и рубаху, одела платье поверх исподнего и начала затягивать шнуровку сама, как затягивают ремень на чужом коне. Корсаж сел плотно, швы на груди натянулись, под мышками стало тесно. Юбка была длинная, подол я подобрала булавкой, чтобы не цепляться за порог. Платье пахло чужой кожей, чужой пудрой и храмовой лавандой. Я забрала волосы под сетку, бляху палача убрала под корсаж — холодный круг лег на ребра. Сверху снова накинула куртку: без куртки меня бы не пустили через город, а в куртке поверх платья я выглядела как женщина, которая несет подменное платье в узле. Это меня устраивало.

Я сняла кольцо с ладони и надела на безымянный палец левой руки. Оно прошло свободно: пальцы за шесть лет стали грубее и тоньше. Браслет-метка на запястье дрогнул — кольцо записано в контракт как часть брака. Теперь левая рука от запястья до мизинца была обвязана чужими условиями, как бечевкой.

Я вышла со склада, заперла дверь, отдала ключ жрецу у ворот и зашагала к реке. К дому Ирренов нужно было идти через мост, и на мосту меня бы увидели все — и стража, и сплетники, и Гарен, сержант при осаде, которому я обещала бумагу о непричастности. Мне нужно было, чтобы меня увидели в платье, в кольце и с браслетом, но без бляхи палача на виду. Пусть думают, что невеста вернулась. Пусть не думают, зачем она вернулась.

На подходе к мосту я остановилась у лотка с сушеными травами, купила пучок мяты и две горсти можжевельника. Торговка Ольга посмотрела на меня, на куртку поверх платья, на кольцо, и прикусила нижнюю губу, чтобы не улыбнуться слишком широко.

— Ну, девочка, — сказала она тихо. — В дом к дракону собралась?

— По делу, — ответила я.

— Дело у невесты одно, — сказала она и сунула мне под бумажный сверток с мятой маленький узелок. — Зверобой и кора ивы. Ребенку пригодится, если у него жар. И не благодарю, я запишу.

Я кивнула и пошла дальше. На мосту ветер бил в юбку, подол хлестал по щиколоткам. Если меня сейчас смоет, никто не узнает, где лежит приговор. Первая разумная мысль за день. Почти улыбнулась. Почти.

За мостом начиналась улица Ирренов. На углу стоял Гарен, сержант королевской стражи, в своей помятой кольчуге. При виде меня он выпрямился и переложил алебарду из одной руки в другую.

— Ясна, — сказал он нервно. — Ты в этом уверена?

— Уверена.

Ворота за его спиной были те же — дуб, кованые петли в форме драконьих крыльев. Но двор за ними изменился. Раньше здесь пахло жасмином и подогретым маслом для ламп. Теперь пахло железом, мокрой псиной и чем-то кислым, лечебным. Каэл стоял на пороге, чуть расставив ноги, как стоят те, кто ждал у двери всю ночь и не сел, потому что боялся уснуть.

— Ясна, — сказал он. Не мое имя. Звук.

Браслет на левом запястье отозвался первым. Холод прошел по коже, как вода, пролитая изнутри, и я стиснула зубы так, что свело скулы. Я не соврала ему ни слова. Я назвала его имя вслух, и браслету этого хватило. Считыватель лжи, купленный на мои деньги. Каэл увидел, как

я дернула рукой, потом медленно разжала пальцы и положила ладонь на кованый засов. Он не спросил. Он узнал.

— Где мальчик? — спросила я.

Он коротко мотнул головой в сторону двери в левом крыле.

— В темнице. Под моей комнатой. Я не спускал его в подвал с крысами.

— А старая невеста?

— Уехала вчера с дознавателем. Я думал, ты знаешь.

Знала. Ольга рассказала мне на базаре за миску супа и плоску горячих углей. С тех пор в голове сидела цифра: двое суток. Двое суток, чтобы войти, осмотреть мальчика, вывести или спрятать, подменить приговор в сумке на чистый лист и уйти до того, как дознаватель вернется с новой невестой и королевской печатью на браслет. Я засунула руку в поясную сумку и нащупала свернутый лист с королевской печатью. Браслет отозвался холодом до локтя. Я сжала лист сквозь кожу и потащила его наружу.

— Дай мне фонарь, — сказала я.

Каэл не двинулся.

— Ты не палач, — сказал он. — Ты Торвен.

— Я и то и другое. И если ты хочешь, чтобы твой брат дожил до утра, мне нужен фонарь, чистая тряпка и минута, чтобы осмотреть его так, как меня учили. Не как невесту. Как лекаря при тюрьме.

Он смотрел на меня так, будто я ударила его по лицу. Я стояла на своем, потому что за моей спиной была королевская печать и медная бляха под корсажем. Мальчик в темнице, если его не кормили двое суток и не показывали солнца, уже не верит никому, кто входит с ключом.

— Сейчас, — сказала я.

Каэл развернулся и пошел внутрь. Я шагнула за ним и закрыла за собой створку ворот. Звук закрытой двери прошел по двору, как камень, брошенный в колодец. Из-под крыши левого крыла вышла Мейра, экономка, и увидела меня. Она не поклонилась. Она посмотрела на мой браслет, потом на бляху под корсажем, потом на Каэла, и я прочла в ее глазах все, что она думала обо мне за последние два года.

— Он не ел со вчерашнего утра, — сказала она.

— Я знаю. У вас есть кипяченая вода?

Она не ответила, пошла на кухню, и я услышала, как звякнула крышка котла. Я пошла за ней: кормить ребенка начинают с воды, а воду в чужом доме я не доверяла никому, кроме себя. Мейра доставала из шкафа глиняный кувшин. Я подошла, сняла крышку, понюхала: вода пахла железом и мокрой глиной. Я вылила ее в раковину, набрала из большого котла, проверила пальцем температуру, накрыла кувшин чистой тряпкой и поставила ближе к очагу.

— Где у вас соль?

Мейра молча достала берестяную коробку. Я зачерпнула щепотку, бросила в кувшин, размешала чистой ложкой. Слабая подсоленная вода — чтобы желудок не свело от голода. Мейра смотрела на мои руки. Она знала, что я делаю, и знала, почему.

Каэл вернулся с медным фонарем и пучком чистого полотна, в которое был завернут кусок ржаного хлеба, жесткого, но свежего. Я отломил корочку, размочила в подсоленной воде, размяла пальцами в кашу. Горбушка пахла теплом и дымом.

— Он боится фонаря, — сказал Каэл.

Я помнила: мальчик боялся огня, когда ему было четыре и он сжег себе рукав рубашки о свечу. Я завернула кашу в чистую тряпку, зажала под мышкой фонарь, прикрыла ладонью стекло, оставив тонкую полоску света. Мы пошли через двор. Под подошвами скрипел снег, присыпанный золой, и браслет на моем запястье то теплел, то стыл, словно сам не знал, чего от меня хочет.

Спуск в темницу был узким. Каэл шел впереди, стены пахли сырой штукатуркой и старой медью. У низкой двери он достал ключ, и я остановила его рукой.

— Пусти меня первой. Если он увидит тебя с ключом, он подумает, что его ведут казнить.

Он замер. У него на скулах проступили желваки, и я видела, как он сжал челюсть, чтобы не сказать мне, что я не знаю его брата. Я знала. Я знала, как дети смотрят на ключ в руке взрослого, когда их уже однажды запирали. Я мягко взяла ключ из его пальцев; его кожа была горячей, моя — ледяной, наши пальцы встретились на секунду. Он отвел взгляд первым.

Я толкнула дверь и вошла, не поднимая фонаря. Мальчик сидел в углу, на охапке соломы, и не шевельнулся. У него были глаза Каэла — темные, сухие, с тенями под ними, как синяки.

— Тиен, — сказала я тихо, без имени лорда, без титула. — Я принесла тебе поесть.

Он не двинулся. Я села на пол, не ближе двух шагов, подняла колени к груди и положила тряпку с кашцей рядом с собой, не протягивая ему. Голодного не зовут, еду не суют. Я сидела и ждала. Фонарь стоял за спиной: свет падал мне на спину, а его лицо оставалось в тени. Через минуту он подвинулся. Через две — подполз ближе. Через три его маленькие холодные пальцы легли на тряпку. Я не шевельнулась.

Он ел медленно, глядя на меня из-под ресниц. Когда поднял глаза, я увидела в них вопрос, который он не решался задать. Я ответила сама.

— Я не уйду, пока ты не доешь.

Он доел. Я размочила ему вторую корочку, подлила воды. Он пил, вода стекала у него по подбородку, и я вытерла ему лицо краем своего рукава: другого полотна не было. Браслет на моем запястье впервые за день потеплел, холод ушел к пальцам, как отходит вода от берега. Ни разу не солгала мальчику. Впервые за всю эту историю я сказала вслух правду, которая ничего мне не стоила.

— Я сплю здесь, если ты не против, — сказала я Тиену.

Он кивнул. Я обернулась к двери, где в проеме стоял Каэл и смотрел на меня. У него впервые опустились плечи — не сломалось, просто отпустило. Я подняла руку и показала на ключ у него на поясе.

— Оставь дверь открытой. Он не убежит. Он напуган.

Каэл снял ключ и положил на каменный выступ у двери. Я видела, чего ему это стоило. Он ушел, и шаги были тяжелыми. Тиен посмотрел на меня.

— Ты палач? — спросил он.

— Да.

— Ты меня убьешь?

— Нет.

Браслет молчал. Я впервые за день не чувствовала на запястье ничего, кроме его теплой медной кромки. Я легла рядом с мальчиком на солому, положила сумку с приговором под голову и закрыла глаза. На левой руке у меня лежал браслет-метка, на безымянном пальце — его кольцо, под корсажем — бляха палача, а в поясной сумке — королевский приговор, по которому следовало казнить весь его род, включая этого мальчика. Браслет дрогнул, и холод прошел от запястья к локтю. Я стиснула зубы, повернулась на бок и стала слушать, как дышит ребенок.

Он заснул через несколько минут, а я лежала и слушала его дыхание, и думала о том, что утром мне придется встать, выйти из этой каменной норы, надеть платье поверх исподнего и пойти к Гарену за бумагой о непричастности, потому что без нее меня первой возьмут под топор, как только дознаватель вернется с новой невестой и королевской печатью на браслет. Я подумала это, и браслет на запястье снова кольнул холодом, и я перестала думать и стала считать его выдохи. На семьдесят третьем выдохе я уснула.

Глава 2. Браслет в храме

Дверь в храмовую канцелярию была тяжелой, дубовой, с бронзовым кольцом, которое обжигало ладонь даже через перчатку. Я толкнула ее плечом, вошла, стряхнула снег с плаща и сразу сказала, не здороваясь, потому что в канцелярии здороваются только с теми, кого ждут:

Мне нужно записаться невестой Каэла Иррена.

Жрец за столом поднял голову. Невысокий, сухой, с аккуратной седой бородкой и глазами человека, который привык считать чужие долги раньше, чем люди заканчивают говорить. Он положил перо, посмотрел на мою бляху палача на поясе, потом на мое лицо, потом снова на бляху.

Мастер Торвен, - сказал он ровно. - Вы знаете, что Иррены сейчас под королевской опекой.

Я знаю, что у их дома стоят стражники, а брат лорда сидит в темнице. И знаю, что защита рода открывается только для кровной невесты. Я была ею шесть лет назад, и я намерена стать ею снова.

Он не удивился. Это было хуже, чем если бы удивился. Значит, ждали. Значит, кто-то уже просчитал, что я приду.

Есть цена, - сказал жрец. - Долговое обязательство храму. Вы подпишете его своей кровью, потому что обычной подписи для невесты опального рода недостаточно. Вы будете должны храму столько, сколько стоит браслет-метка, который мы на вас наденем. Долг гасится службой. Если браслет снимете раньше срока или умрете, долг переходит на ваш род. Если род откажется платить, мы выставим тело на торги.

У меня нет рода. Отец умер, мать умерла, брат погиб на войне. Род Торвен - это я и мой ученик пятнадцати лет, который еще не умеет точить нож как следует.

Жрец кивнул, будто я подтвердила то, что он уже записал.

Я села на скамью напротив него. Достала из поясной сумки чистый лист, который прихватила в суде, и подвинула к нему. Он развернул передо мной обязательство - длинное, с мелким шрифтом, с оговорками про интересы храма, про возврат метки в случае развода, про неустойку, если невеста войдет в дом с целью, противной интересам рода.

Последнее я перечитала дважды. Противной интересам рода. Это могло означать что угодно, включая казнь.

Если я войду в дом с целью спасти ребенка из темницы, это против интересов рода?

Жрец посмотрел на меня так, словно я спросила, какого цвета снег.

Это против интересов короны, мастер Торвен. Род сейчас - это корона. Решайте.

Я взяла его перо, обмакнула в чернила, подписала внизу обязательства. Потом он подал мне серебряную иглу, я кольнула большой палец и приложила кровь к печати под текстом. Бумага зашипела, будто обожглась, и на секунду мне показалось, что она вспыхнет.

Браслет лежал на бархатной подушечке. Тонкий, серебряный, с гравировкой в виде чешуи - родовой знак Ирренов. Жрец взял мое левое запястье, повернул ладонью вверх, и его пальцы были холодные, как у мертвеца.

Браслет читает ложь, - сказал он негромко. - Каждое слово, которое вы скажете в стенах дома, проверяется печатью. Ложь даст холод. Правда снимет. Снять браслет без жреца нельзя. Если попытаете - рука почернеет до локтя.

Я знала. Я читала это в городском реестре палачей, когда готовилась к делу Ирренов. Теория и практика - разные вещи.

Он защелкнул браслет.

Холод пришел сразу, без предупреждения, будто кто-то плеснул ледяной водой изнутри кости. Я сжала зубы, чтобы не дернуться. Холод пошел вверх по предплечью, до локтя, потом отступил, свернулся где-то под кожей и остался там, тихий, готовый.

Встаньте, - сказал жрец. - Проверим, на месте ли метка.

Я встала. Он смотрел на браслет, потом на мое лицо.

Мастер Торвен, - сказал он после паузы. - Когда вы в последний раз были невестой Иррена, вас оставили у алтаря. Зачем вы возвращаетесь?

Я молчала секунду, потому что это был не протокольный вопрос, а человеческий, и он имел право на честный ответ только в том случае, если я доверяла жрецу. Я не доверяла.

Потому что у меня есть работа, которую нужно сделать, и эта дверь открывается только так.

Браслет на запястье дрогнул - короткий укол холода, как подтверждение. Правда. Жрец заметил, я заметила, что он заметил.

Хорошо, - сказал он сухо. - Завтра в десятый час приходите за платьем. Оно хранится в нашем складе, готовое к церемонии. И мастер Торвен, - он посмотрел мне в глаза, - если вы войдете в дом Ирренов с приговором в поясной сумке, печать рода узнает. Она узнает, что невеста пришла убивать. И тогда холод в вашем запястье станет последним, что вы почувствуете.

Я кивнула, взяла свою сумку, поправила бляху на поясе и вышла.

На пороге я остановилась и посмотрела на браслет. Серебро лежало на моей коже ровно, плотно, как вторая кость. Я пошевелила пальцами - холод отозвался сразу, готовый, ждущий первого слова-лжи.

До завтрашнего утра я была просто городским палачом с бляхой и приговором. С завтрашнего утра я становилась невестой, которая пришла в дом, где когда-то должна была стать женой. И каждое слово, которое я скажу Каэлу Иррену, будет стоять мне холода в кости.

Я засунула руки в карманы плаща и пошла к выходу. Снег падал густо, и на белом листе бумаги, торчавшем из моей поясной сумки, оставался мокрый след от королевской печати.

Я остановилась у выхода из храма не потому, что хотела полюбоваться снегом, а потому что браслет на запястье снова дрогнул - коротко, без причины, будто проверял, на месте ли я. Я закатала рукав плаща и посмотрела на серебро. Чешуйки гравировки лежали ровно, но кожа под ними уже стала белой, как будто браслет вытянул из нее кровь. Я опустила рукав и пошла вниз по ступеням.

У подножия лестницы стояла женщина в меховой накидке, слишком дорогой для храмового квартала. Она держала зонт, хотя снег был сухой и зонт был не нужен, и смотрела на меня так, будто мы были знакомы. Я ее не помнила. Лицо узкое, бледное, тщательно накрашенное, на шее - нитка жемчуга, которую носят женщины из тех семей, что продают своих дочерей в невесты с приданым.

Мастер Торвен, - сказала она. Голос гладкий, как масло по сковороде. - Вы ведь недавно получили приговор.

Я не ответила. Женщина шагнула ближе, и запах ее духов - сладкий, тяжелый, с нотой чего-то цветочного, что я не могла назвать - ударил мне в нос. Я стояла в своем плаще, который пах железом, мылом и тем запахом, который остается от человека, который весь день возился с бумагами в суде, а она пахла чужим праздником.

Меня зовут Лисса Норвен, - сказала она. - Я дознаватель по делу Ирренов. Мне поручено вести процесс от имени короны. Я хотела бы поговорить с вами о деталях приговора.

Я поправила бляху на поясе. Это был мой единственный жест, который я могла себе позволить. Бляха была холодной - она всегда холодная, потому что висит на голом теле под плащом, и к вечеру на ней остается только мой собственный холод.

Дознаватель Норвен, - сказала я. - Приговор вручен мне в суде. Подробности вы можете узнать из протокола. Моя работа - исполнить, а не обсуждать.

Она улыбнулась. Улыбка у нее была как у человека, который привык улыбаться в лицо тем, кого завтра будет допрашивать с пристрастием.

Вы ведь были невестой Каэла Иррена, - сказала она. - Шесть лет назад. Я помню ту свадьбу. Помню, как вас оставили у алтаря.

Браслет на запястье обдал меня холодом - коротко, резко, как пощечина. Я сжала зубы и не двинулась. Ложь. То, что я сейчас не сказала, было бы ложью, если бы я сказала, что мне все равно. Браслет считывал не слова, а намерение.

Это не имеет отношения к приговору, - сказала я.

Имеет, - сказала она. - Имеет, потому что женщина, у которой есть личный счет к роду, не может быть объективным исполнителем. Корона не может доверить казнь человеку, который будет мстить.

Я смотрела на нее. Она стояла ровно, зонт держала прямо, жемчуг на шее блестел в свете храмовых фонарей. Она была одета в то, что я не могла себе позволить даже на одну неделю, и говорила со мной так, будто я была подозреваемой, а не палачом.

Я палач, - сказала я. - У меня нет личных счетов. У меня есть работа.

Она кивнула, будто я подтвердила то, что она уже записала.

Я знаю, что вы пошли в храмовую канцелярию, - сказала она. - Я знаю, что вы записались невестой Каэла Иррена. Я знаю, что вы подписали долговое обязательство и надели браслет. Это очень интересно, мастер Торвен. Это значит, что вы хотите войти в дом Ирренов до того, как приговор будет предъявлен. Зачем?

Я молчала. Браслет на запястье молчал тоже, потому что я не лгала - я просто молчала, а молчание браслет не считывает.

Дознаватель Норвен, - сказала я наконец. - Вы можете узнать у храма, какую цель я указала в обязательстве. Если храм счел ее допустимой, значит, она допустима. Если вы считаете, что я нарушила закон, подайте жалобу в городской суд. Я не обсуждаю свою работу на ступенях храма.

Она снова улыбнулась. На этот раз улыбка была тоньше, как лезвие ножа, который я точила утром.

Я подам, - сказала она. - Обязательно подам. А пока, мастер Торвен, будьте осторожны с браслетом. Он кусает не только за ложь. Он кусает за намерение.

Она развернулась и пошла прочь, и снег падал ей на плечи, и мех на накидке становился мокрым, и она не замечала этого, потому что у нее был зонт, а у меня не было.

Я стояла на ступенях и смотрела ей вслед. Потом опустила глаза на браслет. Серебро блестело в свете фонарей, и чешуйки гравировки складывались в тот самый узор, который я видела шесть лет назад на печати Каэла, когда он протягивал мне руку у алтаря. Тогда я не знала, что эта печать будет жечь мне руку.

Я засунула руки в карманы плаща и пошла вниз по улице. Мне нужно было вернуться в свою квартиру, проверить инструменты, собрать сумку с тем, что может понадобиться в осажденном доме - бинты, травы, нож для работы, который я никогда не достаю при посторонних. Мне нужно было переодеться, потому что в храм я пришла в своем рабочем плаще, а завтра я должна была прийти в платье невесты, и это платье будет тесным, и чужим, и будет пахнуть чужой женщиной, которая когда-то стояла на моем месте.

Лисса Норвен шла впереди меня по улице, и я видела, как она свернула к королевскому кварталу. Я остановилась у ворот своего дома и посмотрела на снег, который падал на мой плащ. Бляха на поясе была холодной. Браслет на запястье был холодным. Я была холодной.

Завтра в десятый час я приду за платьем. Завтра я войду в дом Ирренов. Завтра я увижу Каэла впервые за шесть лет, и он не узнает меня под этим браслетом и под этим долгом, кото-

рый я только что на себя повесила. А Лисса Норвен будет смотреть мне вслед и считать, сколько лжи я успею сказать, прежде чем браслет меня выдаст.

Я толкнула дверь своего дома и вошла.

Дверь моей квартиры закрылась за мной с тем деревянным стуком, который я слышала каждый вечер последние шесть лет. Я прислонилась к ней спиной, выдохнула в темноту и досчитала до десяти, пока холод из браслета не перестал казаться мне чужим. Потом зажгла свечу на столе у окна, и в ее свете моя комната выглядела так, как выглядит комната палача: узкая кровать, на которой я сплю одна, потому что к моему телу привыкают быстрее, чем к моему имени; сундук с инструментами, который я не открываю при гостях; и маленькая жаровня, на которой я грею воду для трав.

На столе лежала записка от Ольхи. Я узнала ее почерк - крупный, с наклоном, как будто она торопилась написать, пока покупатель не передумал. Записка была короткая: приходи утром, есть новости про дом Ирренов, принеси мелочь. Я положила записку в карман плаща, рядом с ключом от сундука, и пошла к жаровне.

Вода в котле уже подогрелась - я оставляла угли с утра. Я бросила в нее сухой тысячелистник и мяту, дала настояться, слила в глиняную чашку. Пар пах так, как пахнет все, к чему я привыкаю слишком быстро: лекарством и домом, в котором меня никто не ждет. Я села за стол, вытащила из поясной сумки свернутый лист с королевской печатью и положила его перед собой. Приговор. Имена. Печать. Я дотронулась до листа кончиками пальцев, как дотрагиваюсь до ткани, когда проверяю, жив ли еще больной.

Потом я подняла рукав. Браслет лежал на запястье плотно, серебро в свете свечи казалось почти живым. Я знала, что он записывает каждое мое слово и каждое намерение, которое я попытаюсь спрятать. Храм продал мне эту петлю за мою подпись и за мой долг, и теперь эта петля будет жечь меня за каждую фразу, которую я произнесу в доме Ирренов, если фраза окажется ложью. Я провела пальцем по чешуйкам. Они были холоднее, чем вечерний снег.

Шесть лет назад этот же узор я видела на печати, которую Каэл носил на груди. Он протянул мне руку у алтаря, и я увидела эту гравировку сквозь тонкую ткань его рубашки. Тогда я подумала, что это красиво. Теперь я думаю, что красивое редко бывает безопасным.

В дверь постучали. Стук был ровный, сухой - не кулаком, не ладонью, а костяшками пальцев, и я узнала его раньше, чем встала из-за стола. Так стучат люди, которые приходят по делу и не хотят тратить мое время на разговоры у порога.

Я открыла. На пороге стоял Гарен, сержант королевской стражи при доме Ирренов. Его плащ был мокрым от снега, на воротнике лежали белые точки, и он выглядел так, как выглядит человек, который весь день мерзнет на карауле у чужих ворот. В руке у него была фляжка, и он держал ее так, будто она была его единственным доказательством, что он еще жив.

Мастер Торвен, - сказал он. - Я знаю, что вы только что из храма.

Я не удивилась. Гарен знал все, что происходило в квартале палачей и в квартале храма, потому что за обе эти территории платили из одного кармана. Я молча отступила от двери, и он вошел, не дожидаясь приглашения. Он снял плащ, повесил на крючок у двери, сел на табурет у жаровни без спроса. Я молча налила ему травяного отвара в свою кружку, потому что второй у меня не было, и протянула. Он выпил, не глядя на меня, вытер рот тыльной стороной ладони.

Завтра вы пойдете в дом, - сказал он. - Я знаю, что вы записались невестой. Я знаю, что у вас браслет и что вы подписали обязательство храму. Я не знаю, зачем вам это нужно, и я не хочу знать. Я хочу знать одно: вы ведь не пойдете в дом одна.

Я смотрела на него. Он был первым человеком за этот день, который говорил со мной без намека на то, что я либо должница, либо подозреваемая. Он говорил со мной так, как говорят с человеком, с которым собираются идти в одно место.

Я палач, - сказала я. - Мне не нужен сопровождающий.

Он поставил кружку на стол. Посмотрел на меня снизу вверх, потому что он сидел, а я стояла.

Вам нужен, - сказал он. - В доме Ирренов сейчас двенадцать человек стражи, не считая моих. Двое из них сегодня ночью уйдут к дознавателю Норвен с докладом, что вы записались невестой. Дознаватель пошлет свою племянницу к воротам с королевским пропуском через два дня. Если вы хотите войти в дом раньше нее, вам нужно войти завтра утром, и вам нужно, чтобы кто-то из стражи был на вашей стороне, потому что без моего слова вас не пропустят даже с браслетом.

Я молчала. Он тоже молчал. В жаровне потрескивал уголь, и запах мяты смешивался с запахом мокрого сукна от его плаща.

Что вы хотите взамен, - спросила я.

Он усмехнулся. Усмешка вышла короткая, невеселая, как у человека, который давно перестал верить, что его услуги будут оплачены честно.

Бумагу, - сказал он. - Письменную. Что я не при делах, когда в доме начнется. Что я вас не впускал и не выпускал. Что я стоял на посту и мерз, пока другие решали, кому жить. Я не хочу висеть рядом с Ирренами, когда палач принесет приговор. Я хочу бумагу, что я - стена, а не палач.

Я села напротив него. Между нами стояла кружка с остатками отвара, и от нее поднимался пар, и в этом пару я видела, как Гарен морщится - не от горечи, а от мысли, что завтра ему придется открыть ворота дома женщине, которая пришла туда с приговором и браслетом.

Я напишу, - сказала я. - Завтра утром, до того, как пойду в храм за платьем. Подпись, дата, печать моей бляхи. Бляха палача - это печать короны, ее достаточно.

Он кивнул. Поднялся, снял плащ с крючка, набросил на плечи. У двери остановился и не обернулся.

Мастер Торвен, - сказал он. - Лисса Норвен знает про браслет. Она знает про обязательство. Она не знает одного - что вы пойдете в дом не как невеста, а как палач. Если она узнает это до того, как вы войдете, она закроет вам вход. Так что не говорите никому, зачем вы идете. Ни Каэлу, ни старейшинам, ни тем, кто будет варить вам кашу на кухне.

Дверь закрылась за ним. Я осталась одна в комнате, где пахло мятой и мокрым сукном, и в тишине слышала только треск угля в жаровне и собственный пульс в запястье, к которому прижимался холодный браслет. Завтра в десятый час я получу чужое свадебное платье и войду в дом Ирренов под чужим именем, а Гарен будет стоять у ворот и смотреть, как я прохожу мимо него, и делать вид, что он меня не знает. Это была наша с ним сделка: он откроет мне дверь, я дам ему бумагу, что его там не было.

Я подошла к окну, отодвинула занавеску. Снег все еще падал, и внизу по улице шли редкие прохожие, и фонарь на углу бросал желтый свет на мокрый камень. Я положила ладонь на холодное стекло и подумала, что через несколько часов мне придется надеть платье, в котором меня никто не узнает, и войти в дом, где меня когда-то ждали, а теперь не ждут, и сделать вид, что я пришла спасать, хотя в моей поясной сумке лежит лист, который приказывает мне их всех убить.

Браслет на запястье молчал. Потому что я не лгала.

Браслет на запястье молчал. Потому что я не лгала.

Я убрала ладонь со стекла, подошла к столу и достала из ящика чистый лист, чернильницу и перо. Ночью мне нужно было успеть три вещи: написать Гарену бумагу о непричастности, отметить в рабочей тетради имя Ирренов на завтрашнее утро и перечитать запись о мальчике, которую мне оставил мой ученик Брин. Я развернула тетрадь, и из нее выпал сложенный вчетверо клочок бумаги. Бринов почерк, крупный и корявый.

Мастер Торвен, я был в суде сегодня. Слышал, как судья зачитывал ваше имя. Если вам нужна помощь с топливом для жаровни или с подменой на завтра, я буду у мастерской с шести утра. Брин.

Я положила записку под чернильницу и села писать бумагу для Гарена. Рука не дрожала. Я выводила ровные строки, ставила дату, внизу прижала к листу бляху палача и подержала, пока воск не остыл. Бляха оставила круглый оттиск с моим именем и гербом города. Теперь у Гарена была бумага, по которой он мог сказать на суде, что стоял на посту и ничего не знал. Я сложила лист, запечатала воском, написала сверху его имя.

Потом я перечитала запись о мальчике. Брин вел тетрадь аккуратно: возраст, рост, цвет глаз, особые приметы. Тиен Иррен, шесть лет, рост ниже плеча взрослого мужчины, глаза серые, на левой руке родимое пятно в форме драконьей чешуи. Последнее слово в записи было подчеркнуто дважды: наследник. Не просто ребенок, а тот, на ком держится право рода на печать и на дом. Если он умрет, дом перейдет короне, и печать Ирренов будет вскрыта.

Я закрыла тетрадь, убрала в ящик стола и заперла его на ключ. Потом вышла в сенцы, повесила плащ на крючок и вернулась к жаровне. Согреть руки, выпить воды, лечь спать. Завтра в десятый час я должна быть в храмовом складе за платьем.

Не успела я задремать, как в дверь снова постучали. На этот раз стук был другой - тише, торопливее, и пахло за дверью подгоревшей кашей и дешевыми духами. Я открыла.

На пороге стояла Ольга. Моя соседка по кварталу палачей, травница и городская сплетница, женщина, которая знала всех по именам и продавала их истории на рынке дороже, чем свои травы. Ее платок был сбит набок, на щеке темнело пятно от приправы, а в руке она держала узелок, перевязанный бечевкой.

Ясна, - сказала она, и я услышала, что она запыхалась. - Впусти. Ненадолго. У меня к тебе дело, и оно не терпит до утра.

Я впустила. Она вошла, поставила узелок на стол, сняла платок, повесила на спинку табурета.

Узелок - это тебе, - сказала она. - Сухие травы для припарок, если в доме есть раненые. И мазь от синяков, моя собственная, на гусином жиру. И еще вот это.

Она вытащила из-за пазухи сложенный втрое лист и положила рядом с узелком.

Расписка прежней невесты, - сказала она. - Я достала ее у жреца, с которым мы торгуем травами. Он отдал мне за полцены, потому что знает, что я тебя не продам. Расписка - доказательство, что прежняя невеста Каэла Иррена получила деньги за отказ от браслета и от обязательства. Если она появится у ворот дома и начнет требовать место невесты, ты покажешь эту бумагу. Без нее тебя выставят за ворота в первую же минуту.

Я взяла расписку, развернула. Почерк был мелкий, женский, с завитками. Внизу стояла подпись прежней невесты и печать храма.

Зачем тебе это, - спросила я.

Ольга посмотрела на меня долгим взглядом, каким смотрят на человека, которого собираются спасти и от которого не ждут благодарности.

Потому что Лисса Норвен унизила меня на рынке три года назад, - сказала она. - И потому что ты первая за десять лет женщина в этом квартале, которая не попросила у меня скидку. Я не продаю тебя. Я покупаю у дознавателя право на твою историю, когда она станет громкой.

Она поднялась, натянула платок, завязала узел под подбородком. У двери остановилась.

Не доверяй жрецу, который записывал тебя невестой, - сказала она. - Он берет долю с каждой сделки у ворот. Он продаст твою бумагу дознавателю за два медяка.

Дверь за ней закрылась. Я осталась одна с узелком трав, чужой распиской и тишиной, в которой отчетливо слышалось, как браслет на моем запястье медленно остывает до температуры человеческой кожи. Потому что я больше не думала о мести и не строила планов. Я думала о мальчике с серыми глазами и о том, что завтра в десятый час надену чужое платье и

войду в дом, где меня никто не ждет, с приговором в поясной сумке и распиской соперницы под подолом.

Глава 3. Чужое свадебное платье

Я дернула завязку на корсаже и тут же отпустила. Пальцы скользнули по шелку, который помнил другое тело, и я почувствовала, как шов тянет под лопаткой, будто кто-то сзади сжимает мне ребра в кулак. В подоле пахло чужими духами, тяжелыми, сладкими, приторными до тошноты; так пахнет женщина, которая умеет ждать у двери, а не у секиры. Моего запаха здесь не было нигде.

— Сядь ровно, мастер Торвен. Иначе я тебя зашью в эту ткань, а не одену, — голос у швеи под храмом был сухой, как осенняя корка.

Я села на низкую табуретку у окна. На коленях у меня лежал саквояж: в нем бляха, поясная сумка с приговором и чистые бинты, которые я принесла на всякий случай. Портниха цокала языком, обходя меня по кругу, тыкала булавкой в бедро, под мышку, мерила сантиметром длину спины и каждый раз хмурилась сильнее.

— На кого шили?

— На госпожу Ивер. На ту, что была до тебя. — Она вытащила из-под материи клочок бумаги с мерками, показала мне. Мерки были мягче, уже в талии, короче в бедре. Мои плечи на целый вершок шире. — Невесту Каэла Иррена помнишь? Конечно, не помнишь. Палачихи не смотрят на свадьбы.

— Я смотрю на многое.

— Вот и смотри, — она воткнула булавку в корсаж повыше, я зашипела, — теперь молчи и дыши.

Я дышала, глядя в окно. За мутным стеклом кружил храмовый двор, по нему ходили служки в серых рясах, кто-то нес клетку с голубями, кто-то тащил длинный сверток с печатью советника Ройха. Жрец, который час назад надел мне на запястье браслет, теперь стоял у дальней стены и разговаривал с худым человеком в дорожном плаще. Я не слышала слов, но видела, как худой отсчитывает ему монеты в кожаный мешочек, и жрец каждый раз кивает, как будто отвечает поклон невидимому судье.

Швея дернула ткань на спине. Шов заскрипел.

— Готовы были меняться невестами, — сказала я тихо. — Еще до меня. Готовили кого-то другого. Запасную.

— Не мое дело, мастер. Мое дело — иголка.

— Твое дело — платье. Платье было готово. Подкладка отглажена, кружево отпарено, в подоле лежал конверт. Я его нашла, когда встала с табуретки. Швея замерла, булавка в пальцах дрогнула. Конверт был тонкий, серый, запечатанный кусочком желтого воска без герба. Я сломала печать ногтем, вытащила лист. Почерк был круглый, женский, с завитками. «Я, Ивер из дома Торн, отказываюсь от места невесты Каэла Иррена в пользу храма и прошу считать долг уплаченным. Подпись. Число. Печать рода Торн». Тонкая, свежая, пахнущая теми же сладкими духами, что и подол платья.

Я подняла глаза на швею.

— Она была здесь вчера?

— Мастер, я шью.

— Она была здесь вчера.

— Сюда приходят многие.

Я сложила расписку и спрятала в поясную сумку, поверх приговора. Лист шуршал по королевской печати, и от этого звука у меня свело живот. Значит, у храма была готовая невеста, у храма был ее отказ, у храма было мое долговое обязательство, а у Каэла Иррена не было ничего, кроме посаженных ворот и брата в темнице. Жрецы торговали его браком, как торгуют

тканью на базаре: сначала мерки, потом подмена, потом сдача. Я — последняя ткань в этом ряду, самая дешевая, потому что с бляхой на поясе, а не с приданым.

— Вот теперь сиди ровно, — сказала швея и всадила булавку мне под ребро. Я не вздрогнула, только сжала зубы. Она кроила на мне чужой крой, резала чужой шелк, пришивала чужие кружева. У этого платья была прежняя хозяйка, и эта хозяйка была умнее меня: она вышла из игры до того, как узнала, что за дверью Ирренов стоит палачиха с приговором на имя всего рода.

Корсаж наконец сел. Швея обошла меня, прищурилась, подтянула рукава, воткнула еще две булавки в плечо и в бедро. Ткань лежала туго, сминая кожу, но держалась. Я посмотрела в ростовое зеркало у стены и не узнала себя: высокая фигура в белом, с чужой грудью, чужим станом, тонкими запястьями в кружеве. На левом запястье, поверх кружева, лежал браслет-метка, и при каждом вдохе он пускал по вене тонкую иглу холода. Я знала, что совру мужу у алтаря — он войдет мне в кость. Но я не собиралась врать мужу. Я собиралась войти в дом Ирренов невестой, а выйти палачихой с его братом на руках. И между этими двумя женщинами — невестой и палачихой — у меня не было ни одной фразы, которую можно было бы сказать без того, чтобы браслет не укусил меня за руку.

— Годится, — сказала швея.

— Годится, — повторила я и взяла с табуретки саквояж. Чужое платье пахло сладко и казенно. Я застегнула пояс поверх юбки, пощупала сквозь ткань бляху и свернутый лист с королевской печатью, и пошла к двери. Браслет на запястье дрогнул, будто услышал, куда я иду, и стих, потому что я впервые за день сказала себе правду.

Я не стала выходить через парадную дверь храма. Подол платья цеплялся за плиты, и я придерживала его грязной рукой, пока сворачивала по служебной галерее к выходу во двор. Шов под лопаткой натянулся так, что я почувствовала, как ткань режет кожу, и остановилась, пережидая. В галерее было пусто, только в дальнем углу служка в серой рясе протирал подсвечник, и от него пахло воском и холодной медной водой.

Мне нужно было в лавку Ольхи. Не за травами, не за бинтами — за ножом. Портновские ножницы остались у швеи, а резать подол и юбку мне было нужно здесь и сейчас: в таком виде меня сожрут у первого перекрестка, и не стражники — сплетницы. Сплетница в городе стоит десяти стражников, она узнает чужое платье раньше, чем хозяйку. Ивер из дома Торншила себе этот наряд на заказ, кружево было личное, с монограммой по подолу. Мне нужно было срезать крючки кружева и вытащить подклад, пока кто-нибудь из храмовых девушек не заметил, что я ношу чужое приданое.

У бокового крыльца я перевела дыхание и поправила корсаж. Ткань впилась под ребра. Браслет на левом запястье, поверх кружева, лежал ровно, не охлаждал, но я чувствовала его кожей — как будто он ждал первого слова-лжи, чтобы впитаться в вену. Я сказала себе: я иду в лавку, чтобы купить нож. Это была правда. Браслет не дрогнул. Я усмехнулась: первая честная фраза за день, и она про нож.

На рыночной площади было тесно. Утренний час, когда подвозят рыбу и сплетни. Я шла вдоль рядов, опустив глаза, придерживая подол рукой в перчатке. Швея дала мне пару тонких кожаных перчаток без пальцев — чтобы не оставлять следов на шелке. Я не снимала их и сейчас. Без пальцев руки выглядели чужими, как будто я занимала чужое тело и не знала, как его носить. Это было близко к правде.

— Мастер Торвен? — голос Ольхи я узнала раньше, чем увидела ее саму. Она торговала травами в третьем ряду, между мясником и старьевщиком, и от нее всегда пахло чабрецом и дешевым уксусом.

— Не здесь, — сказала я тихо, не поднимая головы. — В заднюю дверь.

Ольха не удивилась. Она никогда не удивлялась моим просьбам; она брала за них деньги или истории, что для нее было почти одно и то же. Я прошла мимо ее прилавка, свернула за

бочки с селедкой и нырнула в узкий проход между лавками. В конце прохода была низкая дверь, обитая войлоком, и за ней — маленькая комната с лежанкой, мешком сушеных трав и печкой, на которой всегда стоял горшок с чем-то горячим.

Ольха вошла следом, прикрыла дверь, повесила крючок.

— Свадебное? — спросила она, оглядев меня с ног до головы. Глаза у нее были быстрые, как у вороны.

— Не мое.

— Вижу. — Она подошла ближе, тронула кружево у моего плеча. — Это работа мастера Тирса. Он шьет на аристократок и на храмовых дев. Ты у кого его сняла?

— Ни у кого. Мне его дали.

Ольха подняла бровь. Я сказала себе: я не скажу больше, чем нужно. Браслет не дрогнул, потому что я не врала. Я просто не говорила всей правды. Это были разные вещи, и я надеялась, что печать это понимает. Похоже, понимала.

— Мне нужен нож, — сказала я. — Короткий, острый, с тонким кончиком. Чтобы резать ткань и не рвать.

— У меня есть садовый.

— Садовый велик.

— Тогда мясной.

— Мясной слишком толстый.

Ольха фыркнула, подошла к сундуку у стены, порылась и вытащила тонкий нож с костяной рукояткой, похожий на нож для разделки рыбы. Лезвие было узкое, в ладонь длиной, конец острый. Я взяла его, повертела в пальцах, попробовала на ногте большого пальца. Ноготь снялся чисто, без зазубрин.

— Сколько?

— Для тебя — бесплатно.

— Ольха.

— Бесплатно, потому что я хочу знать, куда ты пойдешь в этом платье. — Она сложила руки на груди. — И не говори мне, что в храм. Из храма ты уже вышла. Значит, к Ирренам.

Я молчала. Браслет на запястье похолодел на полградуса, не больше. Печать не считала молчание ложью. Она считала слова.

— Ты слышала про осаду, — сказала я наконец.

— Слышала, что род Ирренов сидит за воротами, как мышь в мышеловке, и что кормить их некому. Слышала, что у них остался только лорд да мальчишка в темнице. Слышала, что дознавательница Лисса рвет на себе рукава, чтобы туда влезть. — Ольха наклонилась ближе. — Не знаю только одного: зачем палачихе идти к ним в свадебном платье прежней невесты. Ты что, выходишь за лорда?

— Я иду в дом, — сказала я. — Как невеста. Это все, что тебе нужно знать.

— Мне нужно знать больше, мастер Торвен. Я продаю не только травы.

— Сегодня ты продаешь мне нож. Больше я у тебя ничего не покупаю.

Ольха посмотрела на меня долгим взглядом, потом кивнула.

— Нож твой. Скатертью дорога. — Она открыла дверь. — И если тебя спросят, кто меня одевал, скажи, что швея у храма, а не я. У меня семья.

— Семья у меня тоже есть, — сказала я и вышла.

В проходе между лавками я остановилась, подняла подол и срезала крючки кружева по нижнему краю. Кружево упало на грязный камень, белое на сером. Я подобрала его, скатала в комок и сунула в поясную сумку. Потом срезала монограмму по подолу, маленькие вышитые буквы «И. Т.». Они тоже упали в сумку, поверх кружева, поверх расписки Ивер, поверх свернутого листа с королевской печатью. Моя сумка тяжелела от чужих вещей и моей лжи. Браслет на запястье стянул кожу.

Я посмотрела налево, потом направо. Улица вела к реке, за рекой начинался осажденный квартал, где стоял дом Ирренов. До ворот было полчаса пешком, если идти вдоль набережной и не сворачивать к рынку. Я перехватила саквояж поудобнее, подобрала подол одной рукой, нож спрятала в рукав под кружевом, и пошла. Платье уже сидело свободнее без кружева, но шов под лопаткой по-прежнему резал. Я привыкну. Я привыкала ко всему, что резало, — к платью, к браслету, к собственной тени на чужой стене. Впереди были ворота, за ними — Каэл Иррен, который не узнает палачиху в невесте, но заметит браслет и побледнеет. Я знала это, потому что шесть лет назад он уже бледнел, когда я надевала его кольцо. Тогда это было кольцо. Теперь — браслет, который кусал за руку при каждой фразе. Разницы между кольцом и браслетом, если честно, почти не было. Оба сидели на руке и оба не отпускали.

Я сказала себе: я иду к нему. Это была правда. Браслет молчал.

Набережная пахла рыбой и мокрым деревом. Я шла вдоль парапета, держа саквояж в правой руке, левой придерживая подол, и считала шаги до моста. Полчаса пешком я себе наврала: от задней двери Ольхи до моста через Серную было двадцать минут быстрым шагом. Я не торопилась. Торопиться в чужом свадебном платье по набережной — это все равно что резать хлеб тупым ножом: больше шума, чем дела.

У моста стоял стражник, которого я знала в лицо. Сержант Гарен, коренастый, с родинкой на шее и привычкой жевать гвоздику, когда думал, что его не видят. Сейчас он не жевал. Он смотрел на меня так, как смотрят на женщину, которая идет не в ту сторону в неподходящем платье. Я не остановилась. Он шагнул наперерез, положил ладонь на перила.

— Куда, мастер Торвен?

— К Ирренам.

— В таком виде?

— Именно в таком.

Он опустил взгляд на мое запястье. Браслет под кружевом перчатки. Печать не спрячешь, и прятать я не собиралась.

— Дознательница Лисса утром приходила к воротам, — сказал он тихо, не как стражник, а как сосед, который делится новостью через забор. — С пропуском. Хотела войти. Каэл не пустил.

— Почему?

— Сказал, что без крови рода не откроет.

— А дознавательница?

— Пообещала вернуться с письмом от советника Ройха. — Гарен сплюнул гвоздику в воду. — Я бы на твоём месте не шел сейчас. Она вернется к вечеру. Платье кровью запачкаешь.

— У меня кровь отстирывается, — сказала я. — У тебя — нет. Пропусти.

Он отступил. Я прошла мимо него, и на миг мне показалось, что он хочет сказать что-то еще — может, про мою бляху на поясе, которую он видел каждый день на посту, или про то, что палачиха в свадебном платье это плохая примета для осажденного дома. Но он промолчал. Гарен умел молчать, когда от молчания зависело его жалованье.

За мостом начинался осажденный квартал. Улица была пустой: ставни закрыты, двери подперты, на углах — следы королевских патрулей, белые полосы мелом на камне. Здесь не жили, здесь сидели. Я шла по центру мостовой, чтобы меня видели издалека. Женщина в белом платье с непокрытой головой, с бляхой на поясе и браслетом на запястье — это не спрячешь. Это сигнал.

Поворот, еще поворот, и передо мной встали ворота Ирренов. Тяжелые, кованые, с гербом, который я знала наизусть: дракон, свернувшийся вокруг меча. На створках — свежая копоть от факелов. На цепи подвешен фонарь, но не горит. У ворот стоял мальчик лет двенадцати в ливрее, слишком большой ему на два размера. Слуга. Из тех, кого в этом доме уже почти не осталось.

Я остановилась в трех шагах от ворот. Мальчик уставился на меня круглыми глазами.

— Я пришла к лорду Каэлу Иррену, — сказала я. — Как невеста.

Он сглотнул, повернулся и убежал за ворота. Я слышала, как его подошвы стучат по внутреннему двору. Потом шаги стали тише, потом совсем пропали.

Я ждала. Руки у меня замерзли — перчатки без пальцев не грели, только прятали кожу от кружева. Браслет лежал ровно. Я сказала себе: я стою у его ворот. Это правда. Печать молчала.

За воротами послышался второй шаг. Тяжелый, ровный, с тем едва слышным призывком каблука о камень, который ни с чем не спутаешь. Он всегда так ходил — так, будто ступал по своей земле, даже когда земля была чужая. Шесть лет назад он так вошел в храм, где я ждала его у алтаря. Тогда на нем была парадная куртка Ирренов, черная с серебром, и он бледнел от каждого слова жреца. Сейчас на нем, наверное, просто домотканая рубаха и штаны. Но шаг остался.

Ворота открылись не сразу. Сначала щелкнул верхний засов, потом нижний, потом скрипнула петля. Створка поехала в сторону, и в проеме встал Каэл.

Он был худее, чем я помнила. Скулы обострились, под глазами лежали тени, волосы он стянул назад, как стягивают в казарме. На нем была черная рубаха без ворота, расстегнутая у горла. На груди — тонкая цепочка с родовой печатью, которую он никогда не снимал. Печать была холодная: род в опале, дом в осаде, браслет чужой невесты на пороге.

Он смотрел на меня и не узнавал. Глаза у него были такие же серые, как шесть лет назад, и такая же морщинка между бровями, когда он пытался понять, что перед ним. Он не видел палачиху. Он видел невесту в чужом платье с браслетом на запястье.

— Кто тебя послал? — спросил он. Голос ровный, командный, с той трещиной на последнем слоге, которую он прятал.

— Храм, — сказала я.

— У храма нет невест для моего дома. Моя невеста продала место три года назад.

— Я выкупила.

Он опустил взгляд на мое запястье. Браслет под кружевом перчатки. Печать дома Ирренов, оплетенная храмовой нитью. Он узнал. Он побледнел так, как я и знала, что он побледнеет.

— Кто ты? — спросил он тихо.

Я сказала себе: я не солгу ему в лицо первым. Это было правдой. Браслет на запястье стянул кожу сильнее, но не обжег. Он ждал.

— Я та, кого прислали заменить прежнюю невесту, — сказала я. — И та, кто заплатил за это браслетом. Впусти меня, Каэл. У меня к тебе дело, которое нельзя говорить на улице.

Он не шевельнулся. Только сжал челюсть и смотрел на меня так, будто пытался вспомнить, где видел эту линию плеч, этот наклон головы, эту манеру не опускать глаз.

— Зачем тебе мой дом? — спросил он.

— Потому что в нем сидит ребенок, которого я не хочу видеть мертвым. — Я сделала шаг вперед, подняла руку и положила ладонь на створку ворот, рядом с его рукой. Не поверх, рядом. Чужая кожа от его кожи — в двух дюймах. — Впусти меня, или я войду сама. Но тогда я войду не как невеста.

Браслет дрогнул. Едва-едва. Первая ложь за день. Я знала, что совру, еще когда открывала рот. Войти не как невеста я не могла: дверь дома меня не пустит без печати. Соврав, я выбрала меньшую из двух правд. Печать выбрала за меня.

Каэл смотрел на мою руку, потом на мое лицо. Я видела, как у него дернулась щека.

— Входи, — сказал он наконец. — Раз уж пришла.

Он отступил в тень двора. Я перешагнула порог. Ворота за мной закрылись с тяжелым стуком, и браслет на моем запястье впервые за день стал по-настоящему холодным — не от лжи, от двери. Дом меня узнал.

Внутренний двор Ирренов пах мокрым камнем и подгоревшей кашей. Стены стояли, но штукатурка между ними обвалилась пластами, и в этих проплешинах темнела старая кладка. У колодца валялось перевернутое ведро. Под навесом, где когда-то стояли лошади, теперь сушились бинты — серые, с желтыми пятнами, которые я узнала бы и с завязанными глазами. Гной старый, гной свежий. Здесь кто-то болел давно и никто не лечил.

Я пересчитала то, что видела, по привычке палача: сколько раненых, сколько слуг, сколько выходов. Наверху, в узком окне под самой крышей, мелькнуло лицо — женское, с поджатыми губами, исчезло, как только я подняла голову. Экономка. Или любовница. Или тюремщица, которую посадили следить за мной прежде, чем я вошла.

Каэл шел впереди, не оборачиваясь, и плащ за его спиной был серый, выгоревший до нитей. Он вел меня не через парадную дверь, а через боковую, вросшую в стену, с ручкой в форме драконьей головы. Когда я перешагнула порог, ручка повернулась сама — тяжело, с хрустом, словно кто-то сжал мне пальцы изнутри. Браслет на запястье вздрогнул и потеплел. Не обжег, не отпустил — признал.

— Сюда, — сказал Каэл, не оборачиваясь. — Не трогай стены.

Я не собиралась. Я шла за ним по узкому коридору, в котором пахло старым деревом и сырой шерстью, и считала повороты. Первый направо, второй налево, лестница вверх, площадка с тремя дверьми. Левая дверь была приоткрыта, и в щель падала полоска света от свечи. Каэл остановился перед средней, поднял руку и постучал — не в дверь, а в косяк. Два раза коротко, один длинно. Условный стук.

— Войдите, — раздался детский голос.

Он толкнул дверь. Внутри была детская, если можно назвать детской комнату, где на полу валялись деревянные солдатики без голов, а на стене висел вытертый до дыр герб Ирренов. На кровати, под серым одеялом, сидел мальчик лет шести. Худой, большеглазый, с тем же разрезом глаз, что у Каэла, но без его жесткости. В руках у мальчика была тряпичная кукла, перевязанная бинтом. Он смотрел на меня так, как смотрят на незнакомца, который пришел в дом, где взрослые перестали улыбаться.

— Тиен, — сказал Каэл. — Это Ясна.

Имя мое он произнес без вопроса. Значит, уже знал. Не от жрецов — от кого-то из стражи у ворот, от Ольхи, от Гарена, который продает новости за гвоздику и монету. Я молча кивнула мальчику. Он не кивнул в ответ, но и не отвернулся.

— Я принесла тебе лепешку, — сказала я и положила на край кровати ту, что сунула за пазуху у моста. Сухая, с тмином, чуть помятая моим корсажем. Тиен посмотрел на лепешку, потом на меня, и пальцы его разжались. Кукла осталась лежать на коленях, как раненый, которому перестали делать больно.

— Она настоящая? — спросил он.

— Настоящая, — сказала я. — Ешь.

Он взял лепешку обеими руками, и у меня перехватило горло так, словно кто-то положил туда раскаленный гвоздь. Я отвернулась к окну, чтобы он не видел моего лица. За окном было серое небо и крыша соседнего дома, на которой сидел ворон и смотрел прямо на меня.

— Выйдем, — негромко сказал Каэл.

Я вышла. Он прикрыл за мной дверь, и мы оказались в коридоре одни, без свечей, только полоска света из приоткрытой левой двери падала ему на грудь. Печать Ирренов на его цепочке была холодная — я видела, как она не двигается, не пульсирует, просто висит мертвым куском серебра.

— Кто тебя послал на самом деле? — спросил он.

— Корона.

— Корона не шлет невест. Корона шлет палачей.

Я ничего не сказала. Он кивнул, как будто я подтвердила.

— Я выведу его до утра, — сказала я. — Или ты поможешь мне, или я выведу его одна, и тогда ты больше его не увидишь. Выбирай.

Он долго смотрел на меня в полутьме. Потом протянул руку и коснулся браслета на моем запястье — легко, кончиками пальцев, там, где печать храма вплеталась в металл. Браслет под его пальцами стал горячим, потом снова холодным, и я поняла, что он почувствовал то же, что и я: печать не солгала ему обо мне.

— До утра, — повторил он. — Иди за мной. Я покажу тебе лечебницу.

Глава 4. Ворота Ирренов

Подол путался между щиколоток, корсаж впивался в ребра при каждом вдохе, а поясная сумка с королевским приговором оттягивала бедро так тяжело, словно я уже несла в дом будущую гирию. Жрец на прощание сунул мне под подол свернутый конверт с распиской прежней невесты и наказал не терять; я запихнула его глубже, чтобы не мешал шагу, и зашагала к площади, где у ограды Ирренов толпились зеваки.

Мимо стражи я прошла, не поднимая глаз. Гарен у ворот сделал вид, что не узнает меня в свадебном облаке, и я сделала вид, что не заметила его узнавания. У кованых ворот я остановилась. Металл на ручке обжигал сквозь тонкую перчатку; браслет на левом запястье дрогнул, будто почувал чужую кровь.

— Я пришла по праву невесты, — сказала я вслух.

Голос вышел ровный. Я отрепетировала его в канцелярии суда трижды, пока не перестала спотыкаться о слово «невеста».

Замок щелкнул, ворота поехали внутрь сами, без стука. От запястья к локтю прокатился такой холод, что я стиснула зубы. Браслет-метка заработал: я соврала, и он это почувствовал. Из меня невеста, как из топора серебряная ложка.

Во дворе пахло мокрым камнем и подгоревшей кашей. Я шагнула внутрь, и ворота за спиной закрылись; с той стороны лязгнул засов, поставленный не стражей, а домом. Я оказалась заперта.

Из-под арки вышел мужчина.

Шесть лет я не видела его и узнала бы раньше по походке, чем по лицу. Та же тяжелая посадка плеч, тот же поворот головы чуть вправо, когда он вслушивался в чужой голос. Каэл Иррен стоял у колодца, в опущенной руке у него болталось забытое ведро.

Он смотрел на меня, и я видела, как меняется его взгляд. Сначала невеста в чужом платье с чужой вышивкой. Потом женщина, которую он когда-то обещал взять в этом дворе под венком из сухой полыни. Потом что-то еще, от чего у него побелели костяшки на дужке ведра.

— Ты кто? — спросил он. Голос ровный, командный, будто он отдавал приказ, а не задавал вопрос.

— Ясна, — сказала я. — Твоя невеста.

Ведро лязгнуло о край колодца, вода плеснула ему на сапог. Он не посмотрел вниз. Он смотрел на мое запястье, где под кружевом рукава тускло блеснул храмовый браслет, и бледнел так, словно из него выпускали кровь. Я знала эту бледность: так он выглядел в день, когда ему привезли тело младшего брата со школьного двора.

— Ты не Ясна, — сказал он тише.

Я подняла руку, чтобы ему было видно клеймо храма.

— Я невеста. Записана за тобой сегодня утром. Бумаги у жреца, печать дома уже открыла мне ворота. Если хочешь, чтобы я ушла, скажи сейчас, пока за мной не закрыли калитку.

Он молчал, и я видела, как он считает варианты. Настоящая невеста ушла к дознавателю. Род под осадой. Младший брат в темнице. В доме остались только женщины, дети и собственная гордость. И тут я, в платье с чужого плеча, с браслетом, который нельзя подделать.

— Я не знаю тебя, — сказал он наконец.

Холод добрался до плеча. Я улыбнулась так, как улыбалась приговоренным перед выходом на помост.

— Тогда нам будет проще.

Он шагнул ко мне, и я увидела, что его рука дрожит. Не от страха — от злости, которую он не мог направить в слово. Остановился, посмотрел мне в глаза и спросил так тихо, что стража за воротами не услышала бы:

— Что тебе нужно от моего дома?

Я выдержала паузу ровно столько, чтобы холод в руке стал тупой болью.

— Войти.

Он отступил, не отводя взгляда, кивнул на дверь под аркой. Я пошла к порогу мимо него и почувствовала, как воздух между нами стал тоньше лезвия. Он по-прежнему держал ведро и не двигался. Я знала: он смотрит мне в спину, ищет в походке ту самую Ясну, которую когда-то бросил у алтаря.

За моей спиной лязгнул внутренний засов. Браслет наконец замолчал.

В прихожей пахло холодной золой и чужими духами, впитавшимися в стены. Я пересчитала то, что видела: потертая скамья, медный крюк для плаща без плаща, на полу мокрый след от моих подошв. Дальше по коридору слышались шаги, голоса, лязг посуды. Дом жил, просто жил на осадном положении.

Каэл догнал меня у второй двери. Он не прикасался ко мне, но шел так близко, что я чувствовала тепло его плеча у своего локтя. Это было хуже прикосновения.

— Куда ты? — спросил он.

— В лечебницу. У тебя в роду кто-то болен, иначе ты бы не держал дверь открытой для чужой женщины.

Мышца дрогнула у него на скуле.

— С чего ты взяла, что у меня кто-то болен?

— С того, что платье пахнет лавандой, а дом нет. Лаванду кладут в белье больных, чтобы вытравить запах лихорадки. Я нюхаю такие вещи каждый день.

Он отвернулся, коротко кивнул слуге, выглянувшему из боковой двери. Тот исчез и через минуту вернулся с женщиной лет пятидесяти в сером платье и связкой ключей на поясе. Мейра. Экономка. Она смотрела на меня так, будто я уже стащила у нее серебряную ложку.

— Это невеста, — сказал Каэл. — Покажи ей лечебницу.

— Невеста, — повторила Мейра без вопроса и без удивления. Она быстро оглядела мой корсаж, мои руки, браслет под кружевом и остановилась на поясной сумке.

— У нас нет лишних лекарств, — сказала она.

— Мне не нужны ваши лекарства. Мне нужен кипяток, чистые тряпки и стол, на который можно положить больного.

Она чуть прищурилась и впервые посмотрела мне в лицо внимательно. Увидела, кажется, не невесту, а руки: мозоли на пальцах, след от ножен на бедре, коротко стриженные ногти. Едва заметно кивнула.

— Идемте.

Мы прошли через кухню мимо плиты, на которой булькала жидкая каша. На скамье у стены сидел мальчик лет десяти в грязной рубашке, босой, с серым лицом и слишком яркими от жара глазами. Он смотрел в пол и не поднял головы, когда мы вошли. Я остановилась.

— Кто это?

— Подменный слуга, — ответила Мейра коротко. — Горничный на кухне. Лихорадка третий день.

— Подменный, — повторила я. — То есть настоящий сбежал, а этого посадили на его место.

Она не ответила, и я поняла, что попала. Я опустилась перед мальчиком на корточки, положила ладонь ему на лоб. Жар стоял такой, что у меня защипало в глазах. Под грязной рубашкой я нащупала рваную повязку на боку, пропитанную чем-то бурым.

— Что у него с боком?

— Царапина.

— Это не царапина. Это резаная рана, ей минимум неделя, и ее никто не перевязывал.

Мейра не соврала, она просто не считала мальчика за человека, о котором стоит врать. Я выпрямилась и посмотрела на Каэла, который стоял в дверях кухни, не заходя внутрь.

— Где у тебя кипятилок?

Он указал на плиту. Я сняла с крюка кувшин, ополоснула его кипятком и налила заново. Потом стянула с пояса дорожный мешок, вытащила моток бинтов и баночку с мазью: деготь, мед, сушеная кора. Мейра смотрела на баночку так, будто я достала из кармана змею.

— Это мазь. Если у тебя есть своя — неси. Если нет, не мешай.

Я вернулась к мальчику, расстегнула его рубашку. Рана на боку была рваная, с подсохшими краями и тканью, прилипшей к коже. Я отмочила ткань теплой водой, сняла, промокнула, намазала, перевязала. Мальчик не плакал. Только когда я затянула узел, посмотрел на меня снизу вверх и спросил тихо:

— Ты новая хозяйка?

— Нет. Я просто умею перевязывать.

Он кивнул так серьезно, словно я сказала ему что-то важное, и снова опустил голову.

Я выпрямилась, вытерла руки о подол чужого платья и повернулась к Каэлу. Он стоял в дверях и смотрел на мои руки, на мальчика, на грязные бинты в тазу. У него было лицо мужчины, которому только что показали, что в его доме кто-то умирает тихо, пока он считает потери.

— Кто его так?

Он не ответил.

Я кивнула Мейре.

— Отведи меня в лечебницу. У вас там должны быть травы, у тебя на кухне припарки. Я хочу видеть, что у вас есть и чего нет.

Мейра посмотрела на Каэла, тот коротко кивнул. Она сняла с пояса ключ и пошла вперед.

Лечебница Ирренов оказалась узкой комнатой с низким потолком и одним окном, заколоченным изнутри ржавыми досками. Пахло засохшей кровью, прелым бинтом и кислым страхом. Мейра зажгла свечу, поставила на полку и не отошла, а встала у двери, сложив руки на ключах. Я прошла к столу, на котором лежала груда грязного тряпья. Четыре бинта, два порваны, один с бурым пятном по всей длине. На полке три банки с подсохшей мазью, моток ниток и ножницы без одной ручки. Сушилка в углу висела на одной петле.

Я сняла дорожный мешок, поставила на стол и начала раскладывать свое. Мейра считала каждый предмет, чтобы потом обвинить меня в краже. Мне было все равно, я работала руками.

— Травы у вас есть? Какие?

— Мелисса осталась с лета. Кора дуба, чага. Остальное забрали люди дознавателя.

Я кивнула.

— Значит, мне нужна кипяченая вода, чистая пенька, мед и соль. Мед есть?

— Немного. Для господ.

— Теперь для мальчика. Господа подождут.

Она чуть двинула бровью и не ответила. Я повернулась к сушилке, подняла перекладину, вытащила из кармана моток проволоки, которую всегда ношу с собой, и примотала ее к стене. Сушилка встала ровно. Мейра смотрела на мои руки, и я впервые увидела в ее взгляде не подозрение, а усталое уважение. Не ко мне как к женщине, а ко мне как к работнику. Этого мне было достаточно.

Я разложила бинты на сушилке, подписала углем на доске три зелья: для жара, для раны, от кашля. Мейра подала мне мел, я черкнула рядом с каждым названием пропорцию воды и травы.

— Где он спит? — спросила я про мальчика.

— В кухне, на лавке. Другого места нет, его не пускают к слугам.

— Почему?

— Он не наш. Подменный.

Я не стала спрашивать, чей. У подменных слуг в этом городе всегда одна история. Их берут в чужой дом вместо сына или брата, которого забрала корона, и держат как залог. Если настоящий вернется, его отдают назад. Если не вернется, подменный остается рабом на всю жизнь. Мой учитель, старый палач, сам когда-то был таким.

Я вышла из лечебницы и пошла обратно через кухню. Мальчик сидел на том же месте, босой, в мокрой от пота рубашке. Жар поднялся еще выше. Я подошла, села перед ним на корточки, положила ладонь ему на лоб и сказала негромко:

— Сейчас принесу лекарство. Ты потерпишь.

Он посмотрел на меня снизу вверх, и в глазах мелькнуло что-то, чему я не сразу нашла название. Узнавание. Будто он ждал кого-то, кто сядет перед ним на корточки, и наконец дождался. Я выпрямилась и пошла к плите.

Каэл стоял у стены, и я впервые увидела его лицо без маски. Не лорда, не стража. Просто мужчину, у которого в собственном доме умирает ребенок, а он не знает, что с этим делать. На скуле ходил желвак, руки висели вдоль тела так, будто он не знал, куда их деть.

— Ты не знал, — тихо спросила я.

Он не ответил. Я прошла мимо него к плите, сняла с крюка кувшин и налила в глиняную миску. Руки не дрожали. Это хорошо: они не должны дрожать при виде раны. Они не должны дрожать и при виде его лица.

Я поставила миску на стол, помешала. Вода пошла паром, я кинула туда кору, сухую мелиссу и щепотку соли. Запах поднялся сразу, острый, живой. Мальчик у стены чуть приподнял голову и потянул носом. Каэл тоже.

— Что это? — спросил он.

— Лекарство. Ты у себя в доме не отличаешь запах мелиссы от чаги.

Он стиснул челюсть.

Я разлила отвар в две миски: маленькую мальчику, побольше себе. Подула, поднесла к его губам. Он пил осторожно, маленькими глотками, и я видела, как у него дрогнули ресницы от горечи. Выпил все. Я вытерла ему рот краем чужого подола.

— Спи. Я приду через час, посмотрю рану.

Он послушно положил голову на лавку. Я выпрямилась и в этот момент почувствовала чужое тепло у плеча. Каэл стоял почти вплотную, ближе, чем было нужно, чтобы взять миску с отваром. Я не отступила. Он тоже. Между нами осталось расстояние ладони, и в этом расстоянии стоял пар от его дыхания, смешанный с запахом лаванды.

— Ты умеешь врачевать, — сказал он тихо.

— Я умею перевязывать. Врачевать меня не учили. Перевязывать научил учитель.

Он смотрел на мои руки, и я знала, что он видит. Мозоли от ножа, след от ножен на бедре, коротко стриженные ногти. Руки женщины, которая каждый день держит чужую шею под лезвием и каждый вечер моет бинты.

— Кто тебя учил? — спросил он, и в его голосе впервые за день появилась трещина.

— Мой учитель. Его звали Роэн. Он умер.

Это было правдой, и браслет впервые за день не обжег меня холодом. Я отвернулась, потому что не могла смотреть ему в лицо, когда он спрашивает про мое прошлое, а я обязана врать обо всем остальном. Каэл стоял у меня за спиной, и я чувствовала его дыхание у затылка, тихое и ровное, как у человека, который учится не прикасаться.

Я вернулась в лечебницу за мешком и закрыла за собой дверь на засов, потому что здесь не запирали. Через час я шла к мальчику.

— Я его знаю, — ответил он мне в коридоре. — Тиен. Мой брат.

— Ему шесть. Ему нужен чистый дом, а не лорд у порога.

— Это его дом. Я не могу запретить ему быть в собственной кухне.

— Я тоже не могу. Поэтому предлагаю лечебницу. Там тепло, там сушилка, там не воняет. Он смотрел на меня, и я видела, как у него двигаются мышцы вокруг рта, будто он пробует слова и выплевывает.

— Ты ушла из моего дома шесть лет назад, а теперь ты здесь стоишь и говоришь мне, где будет спать мой брат.

— Я не ушла. Ты меня выставил.

Он дернулся, как от удара. Браслет на моем запястье снова обжег холодом. Я засунула руки за спину и сделала шаг к окну.

— Мейра, — сказала я, не оборачиваясь. — Разбуди меня в третью стражу. Если мальчик проснется раньше, дай ему воды и ничего больше.

Он молчал. Я слышала, как он медленно вдыхает, будто собирается что-то сказать, и так же медленно выдыхает, передумав.

Я подняла мешок и пошла в лечебницу, потому что руки у меня сейчас просили двух вещей сразу, и обе были невозможные.

За мной по коридору тянулся запах меда, крови и его лаванды, и я знала, что утром кто-то из нас троих пожалеет о том, что эта ночь была слишком короткой.

В лечебнице я опустилась на колени перед лавкой, на которую Мейра перенесла мальчика. Жар спал, дыхание стало ровнее, но кожа под моими пальцами оставалась горячей. Я отогнула край его рубашки. Рана на боку была грязная, рваная, края опухли и потемнели. Запах стоял сладковатый, дурной.

— Нужен нож, — сказала я, не оборачиваясь. — Чистый, прокаленный.

— Мейра, — услышала я его голос за спиной. — Принеси.

Мейра не двинулась. Я выждала три удара сердца, встала сама. На плите у стены стоял чугунок с кипятком, в нем уже стерилизовались щипцы для ран, которые я сама туда положила. Я достала их, вытерла чистой тряпицей и вернулась к мальчику.

— Держи его. За плечи. Чтоб не дернулся.

Каэл шагнул к лавке, опустился на колено и взял брата за плечи осторожно, как берут чашку с ядом. Мальчик приоткрыл глаза и узнал его. Я увидела, как у Каэла сжалось горло. Он не плакал. Драконы, видимо, разучились.

Я работала быстро. Срезала старую повязку, оттянула корку, промокнула рану чистой тряпкой, смоченной в отваре коры с солью. Мальчик зашипел сквозь зубы и вцепился Каэлу в рукав. Я не дала себе думать, чей это рукав и как давно я к нему не прикасалась. Мед на дно раны, поверх чистая пенька, сверху полоса ткани. Узел. Проверила, не давит ли.

— До утра не мочить, — сказала я. — Завтра посмотрю снова. Если жар вернется, разбудите.

Каэл поднялся с колена, посмотрел на меня сверху. Серые глаза с темным ободком вокруг зрачка, того же оттенка, что у мальчика. У его матери, вспомнила я, и отогнала мысль, потому что она не имела права жить в моей голове.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Оплата в конце месяца.

— Ты кто, Ясна? Я тебя не узнаю в этом платье.

Я выдержала его взгляд и ответила правдой, потому что она в этом случае была самой безопасной ложью:

— Я палачиха городской управы. Пришла по приказу суда.

Он чуть двинул бровью.

— Зачем палачихе платье невесты?

Я подняла руку и показала браслет. Холодный металл тускло блестел в полутьме лечебницы.

— Потому что храм продал мне вход в твой дом дороже, чем я думала.

Он смотрел на браслет долго, секунд пять. У него побелели костяшки пальцев. Потом перевел взгляд на мое лицо, на мои руки, на поясную сумку у меня на бедре. Сумка была плоская, и в ней лежал свернутый лист с королевской печатью, который он еще не нашел.

— Что в сумке?

— Инструменты. Не трогай.

Он не двинулся. Мейра за моей спиной перестала дышать. Мальчик на лавке повернул голову и посмотрел на меня так, как смотрят дети, которые уже поняли, что взрослые врут.

Я наклонилась к нему, подоткнула край рубашки и сказала тихо:

— Спи, Тиен. Я рядом.

Он закрыл глаза. Я выпрямилась и вышла из лечебницы, потому что больше не могла стоять в одной комнате с браслетом, который считал каждое мое слово, с женщиной, который меня не узнал, и с ребенком, который уже понял лишнее.

Глава 5. Грязная лечебница

Я несла саквояж по коридору нижнего этажа, и запах ударил раньше, чем я успела найти нужную дверь. Гнилые бинты, прокисшая трава, пот, под которым давно не мыли кожу. Кто-то из Ирренов когда-то держал здесь порядок - об этом говорили медные крюки для ламп на стене, ровно вбитые, и каменный желоб стока, протертый добела. Сейчас желоб зарос бурым, а на крюках болтались обгоревшие фитили.

Дверь в лечебницу была приоткрыта. Я толкнула ее плечом, вошла и остановилась. Длинный стол под окном завален мятой тканью, на полке - три банки, все с трещинами, одна без крышки. Сушилка для трав, та самая, про которую я слышала в суде как про сломанную, стояла на боку, ножка подпилена, перекладыны пустые. Под столом валялись окровавленные бинты - не стиранные, брошенные. На матрасе у стены лежал мальчик лет десяти, чужой, не Иррен по скулам, с лихорадочным блеском в глазах, и смотрел на меня так, будто я пришла его добить.

Я сняла саквояж, поставила у двери и присела перед ним на корточки, не делая резких движений. Левый локоть у него был перетянут грязной тряпкой, под которой набухло темное. Я спросила тихо, как спрашивают больных, которые привыкли, что их трогают грубо:

- Как тебя зовут?

- Рен.

- Рен, я палач. Но сейчас я хочу посмотреть твой локоть. Можешь поднять руку?

Он посмотрел на мою бляху на поясе, потом на руки, и что-то в лице у него дрогнуло, но не страх. Скорее узнавание. Он медленно поднял руку.

Я размотала тряпку. Под ней рана была рваная, уже опухшая, края горячие. Если бы я пришла в темницу к младшему Иррену сразу, этот мальчик к утру остался бы без руки, и я это понимала. Я достала из саквояжа чистый бинт, ножницы, банку с мазью из девясила и меда. Руки у меня не дрожали - они не дрожали никогда, - но внутри что-то подобралось, потому что я знала, зачем пришла в этот дом, и сейчас делала другое.

- Будет жечь, - сказала я, не извиняясь. - Терпи.

Рен не заплакал, только стиснул зубы, когда я сняла повязку до конца и промыла рану. Я работала быстро, как на площади перед казнью, когда надо перевязать сменщика и идти дальше. Мазь легла на края, бинт пошел ровно, я закрепила его, прижала ладонью.

- Где здесь кипяток?

- В кухне, - сказал он. - Мейра не пускает.

- Мейра пустит. Скажи ей, что я здесь.

Он попытался встать, я качнула головой и сама пошла к двери, потому что ждать было нельзя. У порога я остановилась, потому что услышала шаги за спиной - тяжелые, знакомые по голосу в воротах. Каэл вошел в лечебницу так, будто имел право входить куда угодно в собственном доме, и на одну секунду я подумала, что он сейчас скажет мне, куда мне идти и кого трогать.

Он посмотрел на перевязанную руку Рена, потом на меня.

- Ты не невеста, - сказал он. Не вопрос, утверждение. - Ты палач.

Я выпрямилась, не отводя глаз. Браслет на моем запястье дернул холодом вверх по руке - не потому что я соврала, а потому что я не сказала правды. В лечебнице пахло девясилом, и я знала, что должна сейчас выбирать между его взглядом и этим мальчиком.

- Я невеста, - ответила я ровно. - По записи храма. И я только что спасла твоему слуге руку.

Каэл смотрел на меня, и я видела, как в нем ломается что-то, что он привык считать опорой. Он был бледен, и я впервые за шесть лет видела его таким - не лордом у алтаря, а мужчиной в осажденном доме, который не знает, как со мной говорить.

- Закончи здесь, - сказал он наконец. - Потом я пришлю к тебе Мейру.

Он ушел. Я слышала его шаги по коридору, потом тишина, и я снова повернулась к Рену. На столе ждала грязная работа: сортировать банки, выносить бинты, чинить сушилку, учить мальчика мерить температуру и не бояться меня. Руки у меня уже пахли девясилом, а не железом, и я подумала, что, может быть, ради этого сюда и стоило прийти.

Я сняла с полки банку без крышки, понюхала. Внутри пахло старой ромашкой и плесенью - травник не закрыл как следует, и теперь половина содержимого годилась только в костер. Я поставила банку на стол, достала нож, срезала верхний слой, выскребла ложкой до чистого стекла. Рен сидел на матрасе и смотрел, как я работаю, и я чувствовала этот взгляд кожей между лопаток.

- У тебя в кухне есть чистая вода?

- В бочке. Мейра носит сама.

- Мне нужен кипяток и чистая тряпка. Не бинт, просто тряпка. Хоть старая рубаха.

Он встал, покачнулся от слабости, и я поймала его за здоровое плечо, усадила обратно.

- Сиди. Я сама найду.

Я вышла в коридор, прикинула, где здесь кухня - по запаху дымка и по скрипу половиц. Дверь оказалась тяжелой, обита железом, и когда я толкнула ее, изнутри пахнуло хлебом и жареным луком. У стола стояла женщина лет пятидесяти, сухая, с ключами на поясе и таким лицом, будто она давно перестала удивляться чужим.

- Мне нужен кипяток и чистая тряпка для лечебницы, - сказала я. - Мальчик с раной.

Мейра посмотрела на мою бляху, потом на браслет на запястье, и я поняла, что она делает выводы быстрее, чем я успеваю моргнуть.

- Кто ты такая, чтоб я давала тебе тряпку?

- Ясна Торвен, городской палач. По записи храма - невеста лорда Иррена. Мне нужен кипяток и тряпка.

- Невеста, - повторила она без вопроса, без улыбки. - У нас в этом доме уже была одна невеста. Забрала приданое и ушла к дознавателю.

Она поставила передо мной медный чайник, плеснула из него в глиняную миску и швырнула на стол полотняный фартук.

- Сойдет?

- Сойдет, - сказала я.

Я вернулась в лечебницу, поставила миску на стол, опустила в кипяток тряпку. Рен смотрел, как я отжимаю полотно, и я заметила, что он учится запоминать порядок - какие руки, какое движение, когда ждать. Его собственные руки лежали на коленях, и я видела, как он их спрятал, чтобы не мешать.

- Покажи, где здесь сушилка.

- Вон та, на боку.

Я подняла сушилку, осмотрела ножку. Подпилена ровно, сабельным клеем, не наспех. Кто-то хотел, чтобы она сломалась. Перекладины я сняла, вытерла, вернула на место. Ножку подперла обрезком доски, который нашла у порога, и сушилка встала, качаясь, но стоя.

- Травы у тебя есть?

- Только мята и шалфей в мешке.

- Мне нужен девясил, зверобой и кора ивы. Если в доме есть кладовая, я найду сама. Если нет - составлю список, и ты понесешь его на рынок.

- Мейра не пускает в кладовую.

- Мейра пустит, когда я ей скажу, что без коры ивы твой локоть сгниет до локтя.

Он впервые за утро улыбнулся - одним уголком рта, едва заметно, и я отвернулась, чтобы он не увидел, что я тоже.

Я промыла его рану заново, наложила свежую мазь, перебинтовала чистым. На столе уже лежала гора грязного тряпья, и я поняла, что мне нужен таз, мыло и час времени, чтобы перестирать. Я подняла голову, потому что в дверях снова стоял Каэл.

Он смотрел на сушилку, которую я починила, на разложенные банки, на Рена с перевязанной рукой, и я видела, как он складывает в голове картину: женщина с бляхой палача и браслетом невесты сидит на полу его лечебницы и стирает бинты его слуги. Браслет на моем запястье дрогнул холодом, едва ощутимо, потому что я не соврала ни в одном слове с тех пор, как он вошел, и холод от недоговоренного был хуже, чем от лжи.

- Мне нужен таз, - сказала я, не вставая. - И кого-то из слуг, кто умеет кипятить воду.

- Зачем?

- Стирать. У тебя в лечебнице грязь, которая сама не уйдет. Я могу сделать это сама, но у меня не десять рук.

Он молчал, и я видела, как он не хочет просить Мейру и не хочет признать, что я нужна его дому. Наконец он кивнул коротко, повернулся и ушел, а я осталась сидеть на полу среди грязного тряпья, и браслет на моем запястье медленно теплел.

Когда шаги Каэла стихли в коридоре, я поднялась с колен и вынесла таз из-под стола. Рен смотрел, как я наливаю воду из бочки, и я видела, что он не понимает, зачем стирать бинты, если можно просто выбросить. Я не стала объяснять. Я просто показала.

— Смотри. Грязный бинт не несут в костер, если ткань еще цела. Его кипятят, потом сушат, и он снова годен. Дом тратит меньше, ты лечишься чаще.

Он кивнул, и я заметила, что его глаза стали другими - не испуганными, а рабочими. Это было лучше, чем испуг. С испугом я не знала бы, что делать.

Я сняла с гвоздя моток бечевки, натянула между двумя крюками в стене, и повесила первую партию тряпья сушиться. Руки двигались сами, как на городском дворе, где я каждое утро принимала бинты от учеников. Разница была только в том, что там я не ждала никого, а здесь за моей спиной стоял чужой дом, который должен был решить, оставлять ли меня.

Дверь скрипнула, и вошла Мейра с медным чайником и девочкой лет двенадцати, которая тащила ворох полотна. Экономка поставила чайник на стол, посмотрела на разложенные банки, на починенную сушилку, на меня, и я поняла, что она делает выводы быстрее, чем я ожидала.

— Кто научил? - спросила она.

— Никто. Сама.

Она не поверила, но промолчала. Девочку звали Нора, она была из кухонных, и руки у нее были красные от воды и золы. Мейра оставила ее, и мы вдвоем подняли таз на стол, залили кипятком, и я показала Норе, как отжимать тряпку так, чтобы не обжечь пальцы. Она слушала молча, и я подумала, что молчание в этом доме - не пустота, а привычка.

— Твоя очередь, - сказала я Рену. - Полощи в холодной воде, потом вешай сюда.

Он встал, держась за стол, и я заметила, что он больше не качается. Лихорадка отступала - не потому что я хороший лекарь, а потому что гной перестал копиться в ране. Я подвинула ему чистую тряпку, и его пальцы случайно задели мою руку. Я отдернула быстрее, чем следовало, и браслет на моем запястье вздрогнул теплом - не холодом, потому что в этом жесте не было лжи. Только чужая кожа и моя неловкость.

В дверях снова стало тесно.

Каэл стоял, и на этот раз он был не один. Рядом с ним стояла женщина, которую я не знала, - высокая, в дорожном платье, с королевским пропуском на груди. У нее были темные волосы, собранные под серебряной сеткой, и лицо, которое я видела однажды на портрете в храме. Невеста, которую Каэл выбрал вместо меня. Которая ушла к дознавателю.

Браслет на моем запястье похолодел так резко, что я сжала зубы.

— Ясна, - сказал Каэл, и его голос был таким, будто он сам не верил тому, что говорит. - Это Лира Норвен. Она пришла по делу рода.

Ли́ра Норвен. Племянница королевского дознавателя. Та самая, на которой он должен был жениться шесть лет назад, если бы не ушел из-под венца со мной. Я выпрямилась, не выпуская тряпки из рук, и посмотрела ей в глаза.

— Добрый день, - сказала я. - Я невеста лорда Иррена. По записи храма.

Ли́ра улыбнулась. Улыбка была отработанная, вежливая, и в ней не было ни капли удивления.

— Я знаю, - сказала она. - Я пришла отдать браслет обратно. По праву первой записи.

Мейра за моей спиной перестала дышать. Рен сел на матрас и спрятал руки. Нора отступила к двери, и я осталась одна в центре лечебницы, между грязным бельем и женщиной, которая имела все основания называть меня самозванкой.

Браслет на моем запястье леденел, и я знала, что любое мое слово сейчас будет считано. Я выбрала единственное, что было правдой.

— Я не отдам браслет, - сказала я. - Он выдан мне по долговому обязательству храма. Если у вас есть возражение - обратитесь к жрецу. Не ко мне.

Ли́ра подняла бровь, и я увидела в ее глазах то, что не показывала улыбка. Она не удивилась. Она ждала этого ответа.

— Хорошо, - сказала она. - Тогда я поговорю со старейшинами. И с дознавателем.

Она повернулась и ушла, и ее каблуки стучали по коридору так ровно, будто она шла не в чужой осажденный дом, а к себе в кабинет. Каэл стоял в дверях и не двигался, и я поняла, что он ждал, что я отдам браслет. Что я отступлю. Что я буду удобной.

— Мне нужен таз, - повторила я. - И чистая вода. У меня еще четыре партии бинтов.

Он смотрел на меня, и я видела в его лице то, что не хотела видеть. Вину. Не за Ли́ру - за то, что он привел ее в мой первый день в его доме. Он знал, что она придет. Он не предупредил.

— Я пришлю таз, - сказал он наконец.

— И Мейру.

Он кивнул. Я повернулась к Рену, подняла следующую партию тряпья, и браслет на моем запястье медленно, очень медленно начал отпускать холод.

Я выкрутила тряпку и повесила ее на бечевку, не глядя на дверь. Пальцы Норы уже привычно окунали полотно в холодную воду, и мне не нужно было ее учить дальше — она сама чувствовала, когда ткань перестает липнуть к рукам. Это редкое качество, и я подумала, что в другой жизни из нее вышел бы толковый помощник лекаря.

Мейра вернулась через четверть часа с двумя ведрами и чистой простыней вместо рваного полотна. Она поставила ведра у стены, посмотрела на разложенные банки, на развешенные тряпки, на меня, и я поняла, что она считает.

— Три партии готовы, четвертая в кипятке, — сказала я. — К вечеру будет сухое белье на смену.

— Бинтов не хватит, — ответила она. — Я дам из своих запасов, но это не бесплатно.

— Я знаю.

Она помолчала, потом сказала тихо, чтобы не слышал Рен:

— Она придет снова.

— Знаю.

— Она не одна.

Я выпрямилась. Руки у меня были красные от воды и щелока, и я вытерла их о передник, который Мейра бросила мне утром. Передник был чужой, с чужой вышивкой, и от него пахло сухими травами и чужим домом.

— Сколько у тебя ключей от боковой калитки?

Мейра посмотрела на меня так, будто я ударила.

— Один.

— Врешь.

Она не ответила. Я видела по ее лицу, что вторая связка где-то в кухне, у мальчишки на побегушках, который носит ей молоко от соседей. Я не стала давить. Не сейчас. У меня не было ни права, ни времени, чтобы перетряхивать чужой дом в первый день, когда меня пустили только до лечебницы.

— Если у тебя есть ключ, который ты не отдала лорду, — сказала я, — принеси его мне сегодня ночью. Не потому что я не доверяю тебе. Потому что я не доверяю женщине с королевским пропуском на груди.

Мейра кивнула. Это был короткий, рабочий кивок, и я поняла, что она впервые за долгое время услышала в этом доме голос, который говорит не о чести рода, а о деле.

В дверях снова стало тесно, и я подняла голову.

Каэл стоял один. Без Лиры, без свиты. На его лице было то выражение, которое я знала слишком хорошо — когда он приходил с решением, которое сам себе не нравилось.

— Тебя зовут к старейшинам, — сказал он. — Через час, в малой столовой. По делу о браслете.

Я вытерла руки. Рен на матрасе поднял голову и смотрел на меня так, будто я уходила навсегда. Нора отступила к стене, и я видела, что она готова упасть в обморок от одной мысли, что я могу не вернуться.

— Я приду, — сказала я. — Но сначала закончу четвертую партию.

— Это не просьба, — сказал он.

— Это не моя просьба, — ответила я. — Это моя работа. Рен горячий, у него сухие бинты кончатся через час. Я не оставлю его с грязным полотном, чтобы доказать старейшинам, что я послушная невеста.

Он смотрел на меня долго, и я видела в его лице борьбу. Не со мной — с собой. С тем, что он привык, что женщины в его доме подчиняются его слову, и с тем, что я только что впервые при нем отказала ему при слугах, и это не выглядело бунтом. Это выглядело работой.

Он кивнул.

— Через час, — повторил он. — Я пришлю за тобой Мейру.

— Она мне нужна здесь.

Пальцы горели, и я радовалась этой боли, потому что она была честной. Щелок щипал кожу до волдырей, пар от таза застилал глаза, и я считала про себя тряпки, чтобы не думать о двери в конце коридора, где меня ждали старейшины. Шесть. Семь. Восемь.

Нора подавала мне чистое полотно, и я видела, как у нее дрожат кисти. Ей было страшно не за себя — за меня, и это было хуже всего. Когда тебя жалеют слуги, ты уже проиграла половину дома.

— Рен, — позвала я тихо, не поворачиваясь. — Скажи, где у вас сушилка?

— Сломана, — ответил он. — С месяц. Трубу прорвало, и мастер сказал, что чинить нельзя, пока не придет разрешение от старейшин.

— Кто мастер?

— Городской. Его не пускают за ворота.

Я выпрямилась, посмотрела на скрученные мокрые тряпки, которые висели на бечевке, как тушки мелкой птицы, и прикинула, сколько они будут сохнуть без трубы. До утра не высохнут. До вечера — тоже, если в комнате будет такая же сырость, как сейчас. А у Рена жар, и мокрая ткань на его ранах даст новую лихорадку к ночи.

— Мейра, — сказала я, не оборачиваясь. — У тебя на кухне есть печь, которая топится каждый день?

Мейра кивнула. Я видела это боковым зрением — она стояла у стены, сложив руки на животе, и не знала, куда себя деть в этом чужом для нее месте.

— Перенеси часть тряпок на решетку над печью. Не клади прямо на угли — повесь на шест. Через два часа у нас будет сухой материал на ночь.

Она посмотрела на меня так, будто я предложила ей вынести из дома ребенка. Потом поняла, кивнула и начала снимать с бечевки самые мокрые куски. Рен приподнялся на локте и следил за ней, и я заметила в его глазах первое за утро любопытство вместо страха.

Я выкрутила последнюю тряпку, повесила ее и посмотрела на свои руки. Красные, в мелких ожогах, с облезшей до мяса кожей на подушечках. Руки палача. Сегодня они были руками прачки, и это было правильно.

Часы на стене показывали, что до старейшин осталось полчаса. У меня было время переодеться, вымыть лицо и надеть что-то, что не пахнет щелоком. Я сняла передник, повесила его на крюк и только тогда заметила, что у двери стоит не Мейра.

Каэл. Без Лир, без свиты. В одной руке у него был ключ — медный, тяжелый, явно от какого-то внутреннего замка. В другой — сложенный лист, запечатанный личной меткой старейшин.

— Тебя ждут, — повторил он.

Я не двинулась с места.

— Что в листе?

Он помолчал. Потом подошел ближе, и я увидела, что у него на скуле красная полоса — след от чужого удара, который он даже не потрудился замазать. Лира, подумала я. Или кто-то из старейшин, кто не любит, когда дракон приводит в дом чужую женщину с пропуском.

— Требование, — сказал он наконец. — Предъявить браслет и долговое обязательство. Лира подала жалобу как первая записанная невеста.

Я кивнула. Это было логично. Я бы на ее месте сделала то же самое, только без королевского пропуска на груди.

— Ключ, — сказала я, протягивая руку.

Он не сразу понял. Потом переложил лист в левую руку и положил ключ мне на ладонь. Медь была теплая от его тела, и я сжала пальцы, чтобы не чувствовать этого тепла.

— Зачем он?

— Это от комнаты над кухней, — сказал он. — Маленькая, с отдельным входом со двора. Я подумал, что ты не захочешь ночевать в общей спальне для слуг.

Я смотрела на него и не знала, что хуже — что он это придумал, или что он сказал это вслух при Рене и Норе, которые теперь будут смотреть на эту комнату как на мою победу. Дракон дал мне ключ. Не просьбу. Не приказ. Ключ.

— Благодарю, — сказала я. — А теперь покажи мне дорогу к старейшинам.

Он пошел первым. Я за ним. И на пороге лечебницы я остановилась и обернулась к Рену.

— Пей воду, которую принесла Мейра, — сказала я. — И не вставай, пока я не вернусь.

Он кивнул. И впервые за утро я увидела в его лице не страх, а ожидание. Он ждал меня обратно. Маленький мальчик с лихорадкой, которого я не имела права спасать, потому что в поясной сумке у меня лежал королевский приговор на его род. Но он этого не знал. И я не собиралась ему говорить.

Я повернулась и пошла за Каэлом по коридору, и ключ в моей руке был теплый, и я ненавидела себя за то, что согревала его в кулаке.

На обратном пути по нижнему коридору я остановилась перед сушилкой, подняла ее, поставила ровно. Ножка подпилена нарочно, перекладыны сняты. Не сломана - вынута. Кто-то забрал подвесы для трав и спрятал, чтобы сушить было не на чем. Я заглянула под полку, нащупала скобу, вытащила свернутые в трубку холстины. Три штуки, перевязанные бечевкой, пахнут лавандой. Чужой запас. Я развернула один - чистая ткань, подшитая, ровная. Не лечебная, постельная. Под вторым - мешочек с засушенными листьями, которые я узнала по запаху: мать-и-мачеха, шалфей, немного полыни. Под третьим - письмо. Без печати, без подписи, сложенное вчетверо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.